

Шестьдесят пять лет прошли с тех пор, как отгремели залпы Второй мировой войны - самой жестокой, самой кровопролитной в истории человечества.

Как далека от нас та весна, если измерять время пределами человеческой жизни, и как

близка - отделена одним мгновением, если рассматривать ее в историческом аспекте. Она, та весна, была озарена радостью победы для одних и горьким чувством поражения для других, но для всех сиянием мирного будущего и надеждой, что, наконец, человечество поднялось на новый духовный уровень и никогда не позволит втянуть себя в новую бойню и не повторит ошибок, за которые было уплачено пятьюдесятью миллионами жизней.

Но весна надежд была недолгой... Сорок шесть военных конфликтов возникли с тех пор в разных уголках планеты, унеся уже почти десять миллионов жертв.

Русский поэт Осип Мандельштам еще в 1923 году (но как современно звучат эти слова!) в статье «Гуманизм и современность» писал: «Как оградить человеческое жилище от грозных потрясений, где застраховать его стены от подземных толчков истории, кто осмелится сказать, что человеческое жилище, свободный дом человека не должен стоять на земле как лучшее ее украшение и самое прочное из всего, что существует...» -- ведь это призыв к пониманию и примирению между людьми.

И нет сегодня задачи более важной для всего мира, чем эта!

Гедаров

Worringer Str. 80,
40211 Düsseldorf,
Deutschland
email: pedakhovskaja@t-online.de
tel. : +49(0)211-35-22-40

Содержание

Обращаясь к классике

Г. ПЕДАХОВСКАЯ. А. П. ЧЕХОВ в Европе.....3

Литература

Разные голоса Ю. АФАНАСЬЕВ. Стихи.....8
Л. ЗНАКОВСКАЯ. Стихи.....10
Э. МАКСИМОВ. Стихи.....12
В. КРУГЛИКОВ. Иосиф и его братья.....13
Г. ХОТИНСКАЯ. Максимы морали.....18

Журнал в журнале

Душевная гармония и здоровье

С. ТАХАЛОВА. Советы.....27
А. ВАЙС. Поговори со мной на моем языке.....28

X Международный поэтический турнир

Л. МАНГУПЛИ. ...И позвала строка поэта.....31
А. и А. КУЗНЕЦОВЫ. Доброжелательность и энтузиазм.....38
В. КАЙЛЬ. Мы будем счастливы, мой друг.....34
Ю. ГЕРШКОВИЧ. Вспоминайте.....35

Литература (Продолжение)

Г. АГАРОНОВА. Худ. физиономия эпохи „Не хочу!“.....36
М. ПЛИСС. Фредерик ШОПЕН и Жорж САНД.....39
А. МАНИОВИЧ. Кино и немцы.....42

Оазис

выпуск 12/ 2010

Учредитель и издатель:

профессор Софи ТАХАЛОВА и
Всемирная Академия наук

Редактор

Галина ПЕДАХОВСКАЯ

Редакционная коллегия:

АЙЗЕНШТАДТ Рафаэль;
КОЙФМАН Михаил, дизайн и макетирование;
Татьяна МИХАЙЛОВА, художник;
ТАМАРИНА Рита, корректор;
ТАХАЛОВ Марк, технический редактор;
ТРОСТАНОВСКИЙ Жозеф;
ТЫМИНСКИЙ Владимир.

На первой странице обложки:
профессор Софи ТАХАЛОВА;
на последней странице: представляем книгу
„X Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе“

Галина

ПЕДАХОВСКАЯ,

родилась в Одессе. Окончила филологический факультет Одесского университета. Преподавала в высшей школе, работала в прессе.

С 1992 года живет в Германии, в Дюссельдорфе. Редактор газеты „Neue Zeiten“ и журнала «Оазис». Публикации в журналах «Литературный европеец», «Оазис», «Партнер», альманахе «Дерибасовская–Ришельевская» (Украина, Одесса), газетах Германии, Украины, США, Израйля.

Академик Западно-Европейской Академии наук и культуры.

А.П. ЧЕХОВ В ЕВРОПЕ

К 150-летию со дня рождения

Конец XIX века... Европа для русского человека давно уже не была заповедным краем, в который трудно было проникнуть. Это А.С.Пушкин вынужден был испрашивать высочайшего разрешения на поездку в Европу и... не получить его. Времена изменились, платили три рубля за заграничный паспорт и, если не возникали сомнения в благонадежности, беспрепятственно выезжали за границу.

Русская аристократия проводила сезоны в Париже и Вене, осваивала курортные города Ниццу и Биарриц, лечилась на водах в Баден-Бадене, Висбадене, Карлсбаде и Виши.

Для людей со „скромным достатком“ поездка в Европу входила как бы в обязательную образовательно-воспитательную программу. Наконец, в Европу ездили учиться. Университеты Гейдельберга, Геттингена и Сорбонна были наполнены студентами из России. Они привозили оттуда новые, еще не ведомые в России идеи и желание преобразовать русскую жизнь.

Русские писатели и художники буквально хлынули за границу, стремясь преодолеть психологический изоляционизм, который, конечно, был у жителей страны, где лишь недавно было отменено крепостное право. Они стремились узнать, увидеть истоки европейского искусства. Греция... Италия... Франция – Мекка современного искусства... Многие годами жили в разных городах Европы. Завязывались непосредственные знакомства, возникали творческие контакты, они изучали европейское искусство и подчас удивляли Европу блеском своего дарования. Главное, они чувствовали себя в русле общеевропейской культуры, чувствовали свое духовное равенство.

В жизненные планы А.П.Чехова тоже входило путешествие по Европе. Он часто обсуждал его программу с сестрой Марией Павловной. Но каждый раз воз-

никали новые планы, новые начинания, не говоря уже о поездке на Сахалин, и знакомство с Европой все откладывалось.

Катастрофически отразился на здоровье Чехова провал «Чайки». «С этого момента его болезнь значительно обострилась», – писал Михаил Чехов. До этого еще можно было прогонять болезнь (туберкулез легких) из своих мыслей, отмахиваться от него. Теперь он ворвался в жизнь Чехова неумолимо. На весь оставшийся ему срок жизни он переходит на положение тяжелобольного. Последние восемь лет его жизни окрашены трагическим противоречием между душевным и физическим самочувствием: творческий подъем, который он переживал, признание русского общества, которое он снискал, глубинный процесс осознания себя как писателя и общественного деятеля, его понимание и чувство жизни, то есть интенсивная творческая и духовная работа, вели, к сожалению, к роковому обострению его болезни.

Врачи предписали ему изменить образ жизни, отказать от напряженной работы, посоветовали поехать в Европу, на Французскую Ривьеру. А.П.Чехов осень и зиму 1896, 1897 и 1901 годов проводит в Ницце, в сухом и теплом климате.

К сожалению, Чехов не мог уже в силу физической слабости узнать и ощутить всю прелесть и разнообразие культурной жизни тогдашней Европы. Не дано было осуществиться и его планам посетить Корсику, Египет и Тунис. Она, Европа, осталась для него лишь красивым фоном, на котором проходила его жизнь первого человека, а все его помыслы были связаны с Россией, с литературными и общественными процессами, которые проходили там.

Он посылает письма в Россию буквально каждый день – своим издателям, коллегам по перу, родным и друзьям. «Скучаю без русских газет и писем», – пишет он А.С.Суворину, хотя тут же замечает, что французские газеты по уровню профессионализма значительно выше русских. В своих письмах, успокаивая близких, он неизменно пишет, что погода стоит чудесная и он себя чувствует несравненно лучше.

Живя в Ницце, Чехов продолжает интенсивно работать, править гранки своих произведений,

которые ему регулярно присылали его издатели, но в то же время жалуется в письме к В.М.Соболевскому: «Пишу здесь гораздо меньше, чем рассчитывал. Здесь нужно читать, а не писать. Но как бы то ни было, я все-таки пишу».

В Ницце Чехов жил в Pension Russe, населенном, в основном, соотечественниками. Он проводит время с проживающими там Н.В.Немировичем-Данченко, художником Якоби. После отъезда Немировича-Данченко Чехов пишет Суворину: «...я один среди киргизов и самоедов. Смотрю на русских барынь, живущих в пансионе, рожи скучны, себялюбивы, праздны, и я очень боюсь походить на них...» – так он отзывался о некоторых соседях по пансиону, так напомиравших ему героев его сатирических рассказов.

За событиями французской жизни Чехов следил по газетам. Злобой дня во Франции было прогремевшее на весь мир дело Альфреда Дрейфуса, офицера-еврея, обвиненного в шпионаже. Обвинение явно невиновного человека вызвало возмущение во всей Европе. Антон Павлович не только внимательно следил за ходом всех событий, но и со свойственной ему обстоятельностью изучал стенографический отчет судебного процесса и самостоятельно пришел к мысли о невиновности Дрейфуса. Восхищаясь мужеством и честностью Эмиля Золя, выступившего за оправдание Дрейфуса, Чехов писал: «Золя вырос на целых три аршина, от его протестующих писем точно свежим воздухом повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться».

Антон Павлович Чехов, великий русский писатель и гуманист, при жизни трагически не успел войти в европейскую культуру. Но ему и его творчеству была уготована в Европе счастливая посмертная судьба. Чтобы понять этот феномен, достаточно осознать человеческое кредо Чехова:

«Какое наслаждение уважать людей!»

«Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!».

Помощь в макетировании, редактировании и издании брошюр, книг и другой печатной продукции. Защита от вирусов и восстановление данных, подключение периферийного оборудования, интернета и сетей, замена компонентов, обучение и поддержка пользователей

*компьютеров, а также многое другое...
Тел. 0211-35-22-40 или 02131-742-05-88*

Разные голоса

Юрий

АФАНАСЬЕВ,

доктор философских наук, профессор, живет и работает в Киеве.

Опубликовал поэтические сборники «Самоиронии круг», «Хронокристаллы», «Из теории любви», «Моя эстетика проста».

Мы предлагаем читателям небольшую подборку стихов Юрия Афанасьева на вечную тему – любовь. Как пишет автор: «Сказать о любви, выразить любовь словами в принципе невозможно – слишком тонкий и неуловимый предмет... Но вот что интересно – попытки продолжаются и продолжаются. Ибо есть у нас такая потребность – говорить и слушать о любви. И уже не важно, что мы говорим, а важно, скорее, как».

***

Чтоб тебя описать,
Не нужны, невозможны сравнения.
Розы, ландыши, лилии –
Бесполезный и пошлый набор.
Чтоб тебя описать,
Нужна тонкая, гибкая линия,
Нужен солнечный свет,
воздух, простор и восторг.

***

Что мне воспеть в тебе?
Изгиб лукавых линий,
Зовущих,
Словно песня,
В никуда?
Или холодных губ
Знобящий иней
И взгляд,
Как в проруби
Студёная вода?
Что мне сказать
Тебе?
Непредсказуем
Судьбы твоей
Извилистый маршрут.
Что написать?
Увы,
Неописуем
Любви моей
К тебе
Нелёгкий труд.

***

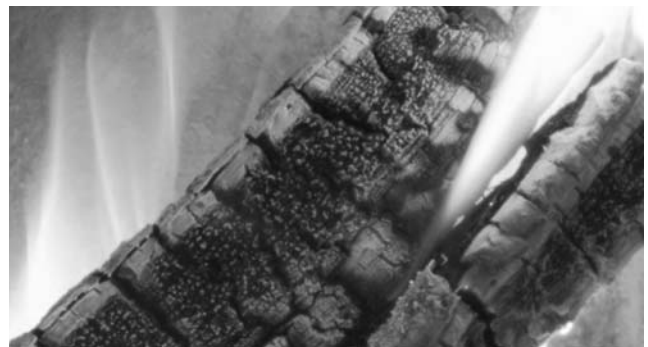
Тлеют угли, освещая
Лишь твои коленки.
Я тебя не обнимаю –
Я пишу «нетленку».

О страданиях влюблённых,
Встречах, расставаниях,
О путях непроторённых
И путях трамвайных.

О пропавших поколениях
И житейской прозе,
О тропических растениях,
Снеге и морозе.

Об истории нелепой,
Ностальгии, осени,
О зиме, весне и лете
И, конечно, проседи.

Угли меркнут, остывая,
В сад ушли коленки.
Угли, нате – вам дарю я
Всю свою «нетленку».

***

Подумай обо мне с улыбкой лёгкой,
 Чуть-чуть насмешливой, но без издёвки,
 Чуть-чуть кокетливой,
 Но без жеманства,
 Улыбкой музыки, улыбкой танца,
 Улыбкой свежеею цветка лесного,
 Не знающего шарма наносного,
 Глядящего открыто, без подтекстов,
 Как тёплый хлеб из дрожжевого теста.
 Пусть вкус и аромат, и тихий пламень
 Твоей улыбки чувство не обманет.
 И снисходительность к моим ошибкам
 Вспорхнёт со вздохом, растворясь в улыбке.

***

Мечта, что сбылась, – уже не мечта,
 Скорее – разочарование.
 И снова уходят в туман поезда
 За дымкой новых мечтаний.
 За новым богатством и новой любви
 До боли знакомую песней,
 За славою гордой, как корабли,
 Которым в порту тесно.
 Чтоб снова соблазна сестрица – мечта,
 Отбросив лукавую маску,
 В лицо нам сказала, смеясь: «От винта», –
 И скрылась, как фея из сказки.

***

Не мечтай, а то ведь сбудется.
 Не проси, а то дадут.
 Не руби, а то ведь срубится.
 Не гони, а то уйдут.

И не жди любви ответной,
 Ведь любовь сама в себе.
 Не ищи и дружбы верной,
 Верен будь своей судьбе.

Не выискивай смысл жизни –
 Он придёт в последний час.
 Не спеши в печали тризны
 Главного услышать глас.

Не стремись познать земное –
 Преходящее оно.
 Глянь вон – утро золотое
 Улыбается в окно.

Frau Professor Sofi TACHALOV

Stalbergweg 285
 NL 5913 BP Venlo

Tel.: 0031 77 / 320 07 05
 Fax: 0031 77 / 352 17 87

www.sofi.de
 E-Mail: sofi@sofi.de

Любовь

ЗНАКОВСКАЯ,

живет и работает в Твери (Израиль), руководитель литературного объединения русскоязычных авторов, главный редактор литературного альманаха «Тивериада». Стихи Любови Знаковской хорошо знакомы израильскому читателю. Удивительно органично в ее стихах переплетаются библейские мотивы с произведениями на современные темы. До переезда в Израиль в Крыму (где она жила и преподавала русский язык и литературу) и Москве были опубликованы четыре ее книги.

Стихи Любови Знаковской – это поэтический мост между страной, которую она оставила, и Израилем – между Тавридой и Тивериадой.

Осенний сонет

*Бывают в октябре такие дни,
Такая благодать на нас нисходит,
Когда царит гармония в природе
И каждый куст и лист тебе сродни.*

*И тонкой паутиной кружева,
И перья улетающей жар-птицы,
И налитая солнышком айва
Спешат в стихах с мелодиею слиться.*

*Она возвышенна, она проста,
И под неё отчаянно кружатся
Многоугольник рыжего листа
И золотая шелуха акаций.*

*...Торжественная пауза чиста,
Но близок поминальный звук оваций...*

***

*Когда на чистом небосклоне –
На редкость чистом в пору зноя –
Возникнут контуры Хермона
В пространстве под голубизною...*

*Когда на озере зеркальном
Зависнут в кувырке Голаны
И катер поплывёт по скалам,
Покачиваясь, будто пьяный...*

*Когда седой горбуньей цапля
Застынет подле рыболова,
Не знаю, лестница ли, трап ли
Нас приведут на берег снова...*

*Когда волна, шутя, накатит,
Облизывая дикий берег...
Когда широкие объятья
Нам распахнёт седой Кинерет...*

*Тогда на небе Галилеи,
Местами выцветшем и рваном,
Затеплится свеча, белея, –
Звезда Земли Обетованной...*

* * *

*Отвернёмся от неразрешимости,
Чтобы воду в ступе не толочь...
Будем, словно кустик жимолости,
Красоваться днём, расти всю ночь.
Что за прелесть эта жизнь растения –
Сутки прочь под пенью петуха,
И, весь мир благословляя тенью,
Просто жить – цвести, благоухать!..*

Возвращение Береники

*Не по нраву машине крутой поворот,
Грунтовая дорога петляет всё выше.
На горе Береники мимоза цветёт.*

*И зелёные ленточки длинных листков
Приглашают приветливо к крепости
старой,
Где на каменных плитах сидит босиком
Молодая ватага в обнимку с гитарой.*

*Современные ритмы и древний иврит
Перемешаны с речью английской и русской.
Распеваётся бард, бородач и небрит,
Прислонившись спиной к калиточке узкой.*

Барду – двадцать.
Калитке – две тысячи лет,
Без гвоздей и железа сработана в камне.
Как из глыбы единой – сомнения! –
Её вытесал мастер, мечтая о Храме?..

Так же мягко, на каменных цельных штырях,
Открывается в прошлое древняя дверца.
Кто в неё проникал – цесаревич, монах –
К Беренике спеша с замиранием сердца?..

Береника! Наверное, эта плита
И остатки мозаики эллинской эры
Помнят тайну походки, чей ритм листал
В этих залах и парках калитки и двери...

Здесь баюкала первенца, глядя в окно
На Голаны, Кинерет и Тивериаду, –
Оживали картины на стенах парадных,
И не портили их ни шелка, ни сукно.

Береника!.. Отсюда ушла босиком,
Дав обет до столицы дойти и
поститься,
Запретила рабыням – дебелим девицам –
Протоптать ей тропинку, шагая гуськом...

Обрывается тропка, как будто строка,
Что-то странное в песенке барда
возникло:
– Без тебя не выходит! Ау!.. Береника!..
И кого-то манит гитариста рука.

Сердце дрогнуло: что это?! А на скале
Рыжей девочкой с россытью тёплых веснушек
Оживает история наших колен,
Возвращаются наши заблудшие души...

Зарубки на сердце

Друзьям-поэтам

Лепить из песка
И строить прохладу из тени.
Но опытом горьким
Делиться пока
Ещё не торопится
Гений.

– Давайте присядем
За стол вшестером,
Чтоб вслушаться
И присмотреться,
В открытую глядя...
И вечным пером
Украсим зарубками
Сердце.

– А кто о них вспомнит?
Поведает кто?
Подумаешь,
Слово-словечко!..
И только потомок
Годов через сто
Услышит в написанном
Вечность...

**Клуб „Neue Zeiten“ и
участники X Юбилейного
международного поэтического
турнира в Дюссельдорфе**

благодарят

общество

Lebensfreude e.V. и

профессора

Софи ТАХАЛОВУ

**за поддержку турнира и помощь
в издании итогового
поэтического сборника.**

Оазис ПОДПИСНОЙ КУПОН

Name: ..... Vorname: .....
Strasse: ..... PLZ: .....
Stadt: ..... Tel.: .....
Datum: ..... Unterschrift: .....

Адрес журнала: Worringer Str. 80 40211 Düsseldorf

Заполненный на немецком языке купон
с копией квитанции об оплате
отправьте по адресу журнала.
Телефон для справок: (0049) 0211 35 22 40

Доставку журнала оплачиваем мы

**Эдуард
МАКСИМОВ,**

после окончания университета работал в газете и на радио, преподавал в институте. В 1990 году переехал в Израиль. Публиковался в России, Израиле, Канаде, США. В 1995 году занял третье место на Международном поэтическом конкурсе в США, а в 2009 году стал олимпийцем Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

Писатель Анатолий Алексин писал: «Стихи Эдуарда Максимова хочется не только читать, но и перечитывать. А это – признак талантливости их автора. Эдуард Максимов проникновенно, сердцем и разумом осмысливает драмы, трагедии и радости людского бытия. И еще... Сам поэт живет согласно тем высоким нравственным нормам, законам, которые исповедует его поэзия».

Анне и Андрею Дементьевым

*Юности ветры догнали меня,
чтоб не забылись московские зимы...
Утром на город гляжу из окна –
кружится снег над Иерусалимом.*

*Пальмы тропической белый берет,
и на сугробах горят апельсины
вмятиной золота на серебре...
Кружится снег над Иерусалимом.*

*В детстве гадалка пророчила мне:
в городе знойном дорогу к любимой
я отыщу, когда выпадет снег...
Кружится снег над Иерусалимом.*

*В смене столетий не всё – суета,
если сердца ещё словом ранимы...
Души чисты перед Богом, когда
кружится снег над Иерусалимом.*

* * *

Риве и Натану Доматовым

*Легонько веточку задел –
кружатся листья,
опадая.
«И дольше века
длится день?»
Век
днём мгновенным
пролетает!
Лес под топор
иль только ветвь?
Природе
равно
будет больно.
Цвет осени –
разлуки цвет...
Не вечны кроны –*

вечны корни...

*В ладонь возьму я
хрупкий лист.*

*Как линии судьбы,
прожилки.*

*Так жизнь чужая –
чуть коснись,*

и след

в твоей

остался жизни...

* * *

*Я слышу вновь: «Ещё не поздно,
Куда спешить в твои года?»
Всё можно отложить на после,
чтобы не сделать никогда.*

*Друзей отчаянные просьбы...
Боязнь признания в любви...
Всё можно отложить на после.
И – пролетают дни твои.*

*И нерешённые вопросы
ты в долгий ящик отложил.
Всё можно отложить на после,
чтоб без забот сегодня жить.*

*Зачем в себе идеи носим,
коль высказать боимся их?
Всё можно отложить на после,
но не вернуть минувший миг.*

*И звёздных строк святую россыпь
не записал, потом – забыл.
Всё можно отложить на после,
а там – кивать на перст судьбы.*

*Уже оправдываться поздно...
И полон дней твоих рюкзак...
Всё можно отложить на после.
Смерть отложить нельзя никак.*

* * *

Людмиле и Игорю Требуховским

Птица моей души камертон.
Ноты не знаешь. Поёшь – как поётся.
В этом лесу не подхватит никто,
в дальнем лесу кто-нибудь отзовется.

Пусть не поймут, я уйду, не вина.
Ветер к виску моему прикоснется.
Знать бы мне только, что песня моя
в сердце любимой моей отзовется.

* * *

Ларисе и Борису Моерман

Не в майский лес,
а в сказку
войду я на рассвете,
когда на травах скользких
рассыпана роса.
И небеса бездонны,
и на упругость ветер
проверит листьев крону,
как в море паруса.
И олененок чуткий –
застенчивое чудо
доверчивой природы –
в глаза мне поглядит.
Зальётся птица,
сердце ранимое врачую
от городского шума
и от людских обид.

* * *

Всё – до поры,
до первого предательства...
Моей любви
воздушные шары...
За красоту
всё женщине прощается?
Прощаемся...
Я – вышел из игры...

Прощаемся.
Не надо слёз.
Живу надеждою на встречу.
Благодарю творца за вечер,
за этот тихий
летний плёс.

Ты не гадай,
не ворожи.
Ошибки
ничему не учат.
Не суета всё в мире –
случай:
свиданья,
расставанья,
жизнь.

Второе дыхание

Устало скрипят
при скольжении лыжи...
Король коронованный
дальних дистанций
твердит на пределе:
«Пошли мне, всевышний,
второе дыхание,
второе дыхание».

Друзей моих занятых
редкие встречи...
Не в силах пройти
в одиночку дорогу...
Дай Бог, чтобы рядом
я чувствовал вечно
дыханье второго,
дыханье второго.

И наше столетье
к закату клонится.
И в гонке безумной
машина разбита.
Вторую мне жизнь
подарило в больнице
дыханье любимой,
дыханье любимой.

Вращаю судьбы
озорную рулетку...
Я с жизнью играю...
По краю... На грани...
И строчка страданья
всегда для поэта –
второе дыхание,
второе дыхание.

Витим

КРУГЛИКОВ,

*окончил аспирантуру Института философии Академии наук СССР, доктор философских наук (Россия), до 2000 года – ведущий сотрудник Института философии РАН (Москва), член-корреспондент Академии славянской культуры (Москва).
Прозаик, эссеист.*

В 2000 году переехал в Германию, в Рюссельсхайм.

Иосиф и его братья

Мы публикуем один из ранних рассказов Витима КРУГЛИКОВА. Об этом рассказе автор написал: «В повседневной тоске по детству ты никак не можешь стать взрослым, не можешь вырасти. В каждом из нас живет душа ребенка. Живет и стремится к исполнению».

*Где эта точка пространства и времени,
Спросим же Вечного Ребёнка.*

„Антимир“, Эдуард Межелайтис

Распластавшись темной тяжелой птицей, он парил в хрупком небе и отталкивал ажурные звезды. Черно-фиолетовая злоба пронизывала тело Иосифа. Поэтому золотые стрелы Неизбежного Стрельца везде настигали его. Он корчился от обжигающей жидкости этих стрел, которая разливалась по всему телу, с удивлением рассматривал свои крылья, постепенно теряющие зловещий окрас. Они звенели и превращались во все осеняющие покрывала; в трепетании раскрывались ниспадающим водопадом.

Внизу синело море. Дым человеческого жертвенника требовал полной отдачи, и, растеряв последние осколки черноты в опалении одуванчика Вечного Ребенка, он нырнул в оранжево-синее арпеджио. Там глубоко он врезался в золотой песок, который залепил ему глаза. Перевернулся на спину, с трудом поднял веки и сквозь лимонность водяных домов увидел затонувший корабль, погруженный в мягкую ладонь провидения. Его пронизывали терции бесконечного света, звучание напряженных парусов манило и звало к себе. Пересыпающиеся отражения набегали на Иосифа мелодичными, странно звучащими точками и ... то оставались с ним, то в стремительном темпе убегали к затонувшему кораблю.

„Я – медуза, – показалось ему, когда по телу скользнуло гадкое, прохладное существо. – Стрелец хотел выпустить из меня яд. Конечно, хорошо, если нет черной жидкости внутри“.

С открытыми глазами, вытянувшись и рассекая длинным телом уже не лиловую, а желтеющую тугую массу воды, Иосиф быстро поднимался. Воздуха не хватало. Он устремился вверх, но небо и воздух были где-то еще далеко.

– Ведь все давно зеленое и желтое, а их нет и нет! Я не останусь, я не погибну здесь!

Вскоре вода стала не такой густой, как в глубине, не плотной. Голову, как прежде, сжимали обручи. Хотелось дышать. Перед глазами запрыгали черно-красные кристаллики. Сначала барабанной дробью, мелко подпрыгивая, они обрушились на него, затем долго-долго, ритмично стали падать на лоб, пробивая череп. Он закричал в воду – звука не получилось. Захлебнулся. В тот же момент (наконец-то!) его вытолкнуло, и он по пояс вылетел из воды. Теплая прозрачная синь уходила высоко вверх. Иосиф глотнул ее, кристаллики расплылись в сиреневые дуги, и он снова окунулся и снова вынырнул. Волны, наслаиваясь, своими спинами подхватывали его, лежащего лицом к солнцу, и несли к берегу. Иосиф отдыхал. Сквозь мокрые ресницы солнце успокаивающе проступало теплой гаммой не жгучих, тихих тонов. Он вышел из воды. Лег в мелкий горячий песок. Постепенно расслабляясь, стал замечать, как нежность неба и моря уходила от него, и вокруг все мерно и твердо наливалось ярким наплывом красок. Белые разорванные облака, гневный азиат, который, натянув до предела тетиву зловещего лука, целился прямо в него, Иосифа. Азиат заслонил солнце. Оно ясно выделяло напряженную кровавую тень.

– Гэсэр-хан! – сжался Иосиф. – Но почему он здесь? Не в своей пустыне? Где Неизбежный Стрелец?

Иосиф вдавливался в песок. Но желтые зерна теперь не согревали, а жгли и гнали от себя, прямо в темноту чернеющего неба, которое обрушилось на него невообразимым оркестром. Красными полосами зазвучали верхние регистры. Небо разорвалось сотней тромбонов, гром тысячи скрипок ядовито-желтыми стрелами дождя вонзался в него.

Он вскочил, завертелся, заплясал на месте и бросился к спасительной воде. Море, тоже темное и чужое, не спасало, и змеиный яд настигал его и здесь, выжигая недавнюю янтарную радость золотых стрел Стрельца. Черной тучей над ним навис Гэсэр-хан. Отдельные звуки, постепенно смешивались, сгущались, и Иосиф обнаружил, что никогда не знал, какой может быть скрипка. А она была безжалостна. То соединяясь, то распадаясь, звуки приобрели мощь взрыва. Он видел его. Знал. Боялся. Только страх. Просто страх. Большой-большой, огромный, гигантский сгусток крови пронесся по его жилам, разрывая их так, как в японской пытке крыса рвет живот привязанного к скамье осужденного. Затем клубок этот рассыпался на мельчайшие пылинки, не исчез, а остался в нем.

– Теперь мне не страшно, – промелькнуло у него, – в каждой клетке своей я преодолю пылинку страха, и все будет хорошо. Все будет хорошо. Будет хорошо. Будет хорошо. Хорошо. Хорошо. Хоро... – деревянно повторял он, ощущая ужас отчаяния.

Иосиф не мог преодолеть зернышки страха. Не мог! Наоборот, они наступали на него. Находя их по горячим точкам, он пытался объединить их так, чтобы, одним разом вытолкнув, избавиться от них. Но ничего не получалось. Он только размельчался и куда-то падал и падал: необъединенные частицы отчаяния, бесконечно дробясь, уже давно образовали пустоту. Тишина громко прозвенела в последнем аккорде, и Иосиф понял, что предела страха он так и не пережил. Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Усталый, Иосиф вышел на берег.

Полотенце и одежды какие-то жесткие. Одевшись, он медленно побрел по песчаной дорожке к городу.

Мир был черно-белый.

Иосиф ступал по старым каменным плитам и с тоской думал, что уже мало осталось в городе брусчатки и всего долговечного и крепкого. Все заливают асфальтом. Летом он плавится. В жару на нем остаются впадины от каблуков. Все заливают асфальтом. А через год выковыривают испорченные куски и ставят на серое полотно черные заплатки.

Тучи разбежались, и сквозь свежие листья на серость асфальта посыпались желтые лучи. Навстречу Иосифу несся шумный и усталый поток лиц. Он всматривался, выискивая глаза, пережившие подобное. Но они не встретились.

Подошел к гостинице и поднялся к себе. Унылая комната в стиле модерн тоскливо смотрела на него абрикосовыми стенами. Раскрытый детективный роман на столе, раскрытый чемодан, который стоял так же, как он его оставил три дня тому назад, раскрытый шкаф – все раскрытое в чем-то укоряло, что-то требовало.

Стал собирать вещи. Уложив их, спустился вниз, расплатился, сразу же, напружинившись, направился к автобусной станции. Нужно было уехать. Туда, где все не заливают асфальтом:

– Нельзя! Нельзя быть таким там, где много людей. Куда-нибудь, где их нет или мало.

Чтобы убежать от людского множества, ему пришлось втиснуться в пыльный, синий с желтым автобус. В нем тесно сидели люди, и пыль с охрой садилась на их потные лица, руки, шеи и растекалась грязными подтеками по коже. Две молодые женщины, казалось, больше других страдали от жары. Кожа у них лоснилась, как у всех, но покрашенные брови, ресницы, губы таяли и придавали им неопрятный вид. Иосиф поместился на свободное место рядом с толстой, большой деревенской женщиной. Она мирно спала и как будто совсем не чувствовала одуряющей духоты. Он сидел прямо, глаза его застилало марево желтой пыли и острого запаха человеческого пота. Когда автобус выехал на проселочную дорогу, голова женщины стала дергаться в такт ухабам; она, на секунду просыпаясь, подбирала ее и снова продолжала сопеть. После резкого поворота женщина повернулась грузным телом к Иосифу, опять подобрала голову и тихо положила ее ему на плечо. Кто-то рассмеялся, но он уже давно размяк, распарился, сам превратился в тяжелую массу. К тому же в роящемся столбе пыли эти лица увиделись ему кричащими и хохочущими, сопящими и молчащими масками разноцветных тонов.

Пурпурное лицо его тучной соседки переместилось с плеча и расположилось в дымчатом воздухе рядом с острым зеленым подбородком загорелого мужчины. Из сиреневых волос сидящих впереди молодых женщин выглядывали уши в алых капельках пота. Иосиф попытался стряхнуть видение многокрасочной фантазмагии, но все части живых людей в монотонном ритме неумолимо прыгали перед глазами. Теперь кругом звенели, кричали, бубнили, по-разному звучали бриллиантовые губы, фиолетовые глаза, серебристые и рубиновые лбы; сморщился виолончелевым хохотом желтый-прежелтый нос; чьи-то сиреневые зрачки рассыпали бисер струнами арфы; опаловый язычок маленькой девочки сыпал мелкой дробью флейты по этим коралловым губам, бронзовым ушам, голубоватым лысынам. Затем маски слились в большой единственный фиолетовый глаз, который застыл, широко раскрытый, глядя на Иосифа. В автобусе на минуту наступила тишина, и вся цветная чертовщина кругами легла вокруг фиолетового ока.

Иосиф оглянулся. Люди молчали, прервался даже утомленный храп.

Затем краски опять разбежались не по своим обычным местам и опять в свистящих, воющих, звенящих звуках засверкали вокруг него. Так продолжалось еще долго, до тех пор, пока автобус не остановился.

Когда он вышел из него и, мягко ступая по упругому слою пыли, зашагал куда-то в конец села, краски снова сдвинулись, нашли обычные места, и снова повеяло тоской. Правда, ненадолго. На краю села стоял затененный виноградом и тополями дом, за которым сплошной стеной шли сады. Иосиф постоял в воротах, послушал лай бело-рыжей собаки, увидел появившуюся на пороге дома ту самую женщину, что спала на его плече в автобусе. Он довольно быстро уговорил ее сдать на неделю-другую комнату; они условились и о том, что он будет платить ей за еду и по утрам пить парное молоко. Пока они договаривались, им обоим стало легко и радостно, что никак не вязалось с дурацкой отупляющей жарой. Видимо, в тяжелом полудне было приятно вспомнить о белом, очень белом молоке. Войдя вслед за Любовью-Ванной (так звали хозяйку) в дом, он еще долго размышлял об этом. Переоделся, разложил пожитки и замер на белых простынях в отведенной ему комнате большого крестьянского дома. Прохладный полумрак обступил его, и он тотчас заснул, а когда проснулся, то увидел, что синие сумерки клубами вливались в окно. Встал и вышел во двор. Женщина хлопотала в летней кухне, ее муж уже сидел за деревянным некрашеным столом под навесом.

- А, постоялец! Садись. Будем ужинать.
- Спасибо. Иду.
- Люба, ты скоро?
- Уже подаю. Нинка, ставь миски!

Нинка, их дочь, худенькая и длинноногая, лет одиннадцати, молча выскочила из кухни, неся в руках серые алюминиевые миски и разноцветные деревянные ложки. За ужином говорили о дневной жаре, о работе, о трудоднях, о покупках, привезенных хозяйкой из города, об Иосифе, о его работе. Потом Нинка собрала посуду и ушла мыть ее, а они еще долго сидели вдвоем и пили темно-лиловое вино. Петр Васильевич выпил много, чуть захмелел и, глядя на крышу навеса из виноградных листьев и свисающих черно-фиолетовых гроздьев, изумленно говорил:

– Вот. Смотри! Зимой была сухая палка, весной на ней вдруг появились маленькие листочки; они росли и потом получились вот эти ягоды. Это как же так? А? Ведь все очень просто. А разве понятно? Ни черта не понятно. Только вот бабы не понимают, что это не понятно, – с горечью закончил он.

– Не все бабы, и не только бабы, – задумчиво протянул Иосиф.

– Да есть и мужики. А бабы все не понимают. Мужик, если он настоящий, то знает, что это непонятно. Он знает, как трудно получить из палки листья и вино.

– Так ведь и баба знает.

– Знать-то знает. Ведь бабы-то хорошо работают. А вот не думают над этим. Разве что наша Нинка понимает. Так ведь она малая еще. А только вырастет, и тоже будет не понимать. Думать потому что разучится. Будет балаболить. И те мужики тоже не понимают потому, что не думают. Многие, конечно, не говорят, не знают и думают... – и, почувствовав, как стали путаться мысли, сказал:

- Ну ладно, пора спать.
- У вас где-то озеро здесь есть – хочу прогуляться.
- А вот сейчас Нинка проводит. Нинка, Нина! – но Нинка не откликнулась.
- Убежала уже куда-то. Ну, ты вот что. Иди прямо вот от забора по тропке через сад. Здесь минут десять ходу.

Иосиф встал и пошел в ночь. Тропинка хорошо виднелась в зеленоватом свете лунного диска. Вскоре заросли стали гуще: он понял, что сад с одной стороны кончился. Еще несколько шагов, и Иосиф услышал какой-то голос. Приостановился: ему никого не хотелось сейчас видеть, – затем все же решительно шагнул вперед.

Черные заросли разошлись в стороны, и перед ним открылось озеро. На деревянных мостках, собираясь прыгнуть в воду, голый мальчишка разговаривал сам с собой. Иосиф постоял в тени деревьев, сделал шаг и замер: мальчишка оказался Нинкой. Ее худенькое голое тельце блестело в теплом разливающемся воздухе, переливаясь бликами в неоновой луне; цвета августовского подсолнуха пятнышками сверкали маленькие грудки. Очень складная, она потянулась за лунным лучом, прорезала сине-зеленую тьму горячей охристой линией, которая сложилась из узкой спины, нежных округлостей маленьких ягодиц и длинных струн ровных поющих ног, и влетела в черную гладь воды. В том месте посыпались черно-прозрачные брызги. Иосиф стоял и смотрел, как выскакивала лунная вечная девчонка из воды, радуясь своему мокрому напружиненному телу, бегом взлетала на мостки и снова ловила, ловила, ловила густо-зеленые иглы лучей. Поймав, она долго заразительно смеялась, снова и снова теряя красочные звуки в одном громадном тоне тишины черно-серебристой воды. И, наконец, устала. В последний раз протянув себя в необыкновенной ночи, Нинка поплыла на середину озера. То, что произошло затем, Иосиф понял уже в воде. Из лакированной водной черноты, где еще виднелась Нинкина голова, он вдруг услышал булькающие кровавые звуки. В оцепенении постоял секунду, потом бросился в озеро. Нинка тонула. Когда он подплыл, то увидел, как вынырнула ее голова с выпученными от ужаса глазами и судорожно хватающим ртом. Правая рука Иосифа просунулась под Нинкину спину, отогнув обе ее руки так, что она оказалась лежащей спиной на воде. Загребая левой рукой, он поплыл с ней к берегу. Когда на траве он положил ее на свою рубашку, из нее струей выплеснулась вода.

– Ой, – и она заплакала.

– Ну-ну, поплачь, – приговаривал он, растирая ее, – поплачь.

Затем принес с мостков ее трусики и платице, одел ее. Оделся сам. Нинка сидела, скорчившись, обхватив руками колени.

– А ... вы не скажете дома?!

– Нет. Не скажу. Что там с тобой случилось?

– А вот.., вы.., это очень стыдно, что я так... купалась? Только правду скажите!

– Глупая ты Нинка, – он обнял ее, дрожавшую. – Я тоже так иногда купаюсь.

Она опять расплакалась.

– Ну-ну, все уже. Так что с тобой случилось в воде?

– Нога. Судорога.

– Пойдем, – позвал Иосиф.

Когда они подходили к дому, очертания которого

смазывались в разливающемся белом свете, было тихо. Все спали. Они разошлись по своим комнатам, и Иосиф еще долго ворочался на жестких простынях, вспоминая Нинку-стрелу в лунных бликах.

Проснувшись утром, он почувствовал чье-то присутствие. Осмотрелся. Никого нет. И все-таки кто-то был рядом и следил за ним. Наконец в зеркале, висящем на стене среди расшитых полотенец, увидел светлый коричневатый Нинкин глаз, который через открытое окно следил за его, Иосифа, отражением. Она заметила это.

– Мамка наказала дать вам завтрак, когда вы проснетесь. Они до вечера ушли в поле, – голова Нинки просунулась в окно и с обожанием уставилась на него.

– Ну, тогда готовь стол, пока я встану.

Она смутилась и убежала.

Вскоре они сидели вдвоем за тем же деревянным столом. Голубое небо позднего утра только начинало наполняться тяжестью солнца, которое вещи поглощают в течение дня. Дышалось еще легко. В Нинкиных глазах вмещалась и белая, как снег, сметана, и бело-зеленые прутья лука, и шарики розовых, алых, кровавых помидоров, и острые наконечники огурцов с кожей цвета чешуи черноморской камбалы. Иосиф заметил, как помидоры и огурцы рассыпались на геометрические фигуры. Сиреневые, оранжево-малиновые квадраты, ромбы, многоугольники удваивались, утраивались, отделялись друг от друга, тотчас же окрашивались в новый цвет. Но все вытеснила голубизна позднего утра и оранжевость солнца, отраженная алым помидором, который вдруг стал особенно разрастаться. Не помещаясь в миске, он с торжествующим скрежетом, как тяжелый автобус, задавил своих собратьев из меньших помидоров и огурцов, заалел молочную белизну сметаны и лука, вырос в шар и, упруго подпрыгивая, покатился по желтеющей столешнице. Смясь, Нинка проворно вскочила на стол, затем на шар-помидор и зазвенела нежным смехом, перебирая по нему ногами. Когда шар подкатывался к кромке стола, в ее смехе слышалось сладостное отчаяние.

– Нинка, как же это ты? А?

Иосиф был изумлен.

– Это потому, что рядом ты.

– Почему же я все это вижу, почему все так может быть? Почему? – старался понять он.

Голубая Нинка светилась изнутри розовым и предстала лилово-сиреневой. Скользя по помидору в немислимых движениях, она извивалась гибким прутком ивы. Что-то очень древнее, из танцев гейш, через ритуальность переплетающихся негритянских ног, вплоть до современного кубинского мозамбике и сложнейшие па французского менуэта.

Но так может танцевать только ребенок.

Теперь он знал, что Нинка, то пляшущая древнейшим многоруким Шивой на громадном шарепомидоре, то застыв бронзовым марсианским чело-вечком ацтеков, Нинка – это розово-голубое чудо.

Пляшущая девочка на шаре в сиреневой дымке была до боли знакома, она призывно протянула ему одну из своих многочисленных рук.

– Ты... зовешь... меня?

– Да. Тебя, Иосиф. Ты нужен мне.

– Я – тебе?

– Да. Мне.

– Но зачем? Скажи, зачем? И почему?

– Не знаю. Я не знаю. Я ничего не знаю. Я совсем ничего не знаю. Не знаю.

– Иду. Я иду. Я иду к тебе. Я уже с тобой! – малиновым звоном отозвалось в нем.

Он шагнул к протянутой высоко в воздухе руке, ухватился за ее пальцы: его лиловое тело в плавках цвета индиго и сиреневой майке вытянулось дугой по направлению к ней, и ноги отделились от коричневой пыли земли. Оранжевая охра, пронизывающая небо, окружила его, и он полетел за многоцветной Нинкой. Повинуясь внутренней силе, вращая ногами и всем своим тельцем этот шар-помидор, она теперь уже отплясывала средневековую сомнамбулическую тарантеллу. И шар-помидор вдруг, смешавшись разноцветными гранями в подчиненной Нинке определенности, превратился в уже знакомый Иосифу фиолетовый глаз и повис над миром. Иосиф расположился поудобнее в небесном мареве, составив с Нинкиной и своей руками одну линию, и сквозь отражения помидорного шара-глаза рассматривал проносившееся перед ним. Ему, тридцатипятилетнему мужчине, было совершенно не стыдно лететь так за пляшущей в воздухе девчонкой. Они спустились у берега того самого озера прямо на траву.

– Послушай, откуда ты?

– Я – я была всегда. Тебя не было.

– Меня не было?!

– Да.

– Но?

– Это был не ты. Ты не мог быть без меня.

– Да, не мог, – наконец согласился он. – Но был. Каким был он-я?

– Он-ты был черно-белым. Как известняк и как асфальт. Теперь же ты разный. Теперь ты цветной.

– А ты – ты разве была?

– Я – я всегда была.

– Но какой ты жила?

– Я не знаю точно. Знаю, что цветная. Но только какого-то одного цвета. По-моему, темно-зеленого. Как молодой огурец. Ты ходил очень серым, а когда

пришел, стал синий-синий. Вместе же мы почти оранжевые.

– Нинка, это все неправда. Бред! Я взрослый. Мне тридцать пять. Ты маленькая взбалмошная девчонка. Тебе одиннадцать!

– Перестань! Мне больно! – закричала она. – Ты уходишь в серое. Ты опять хочешь не быть. Если так хочешь, то уходи.

Со слезами она бросилась в воду и яростно поплыла на середину озера. Иосиф быстро догнал ее, но Нинка нырнула, и ему пришлось опуститься за ней на дно. В мутной воде он увидел голубеющую фигурку и потянул ее вверх. Когда они лежали спинами на воде, сказал ей:

– Не глупи! И не сердись! Я должен был узнать, действительно ли это так.

– Как же ты мог не поверить, – ее голос снова стал теплым. Они долго еще купались в желтой озерной воде, загорая под тусклым палящим солнцем. Потом почему-то медленно шли домой по белой тропинке. После обеда Иосиф ушел к себе. Он лег, распластавшись на крахмальных простынях, и попытался понять, что же происходит с ним.

...Конечно, он никогда, никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Неземное чувство! Глупый старый романтик! Неземное чувство! Необычное? Да! К чему оно, зачем, что из него выйдет? Ничего! Только почему из чувства обязательно что-то должно получаться? Когда получается, то оно ведь разрушается, умирает, погибает. Всегда. Даже если человек пытается его сохранить. Нельзя ждать, что из этого что-то получится. Надо жить чувством. А то, в самом деле, становишься таким серым, каким может быть только замша или мышь...

Когда Иосиф ушел, Нинка забралась на сеновал и, лежа на пахучем сене, тихо смотрела на небо. Она еще не могла думать так, как он, и в этом было ее и его счастье. Она знала только, как сейчас все прекрасно. Здесь, в ней, в нем, вокруг них.

– И все люди тоже когда-нибудь станут такими, – наивно мечтала она. – А то они часто просто как высохшая земля, неживая земля.

Нинке повезло в умении соприкасаться с различными гранями окружающего. Иосиф помог узнать ей про это еще больше. Свет вошел в ее узенькое тело, в ее еще открытое всему сердце. Конечно, Нинка была подготовлена к этому всем предшествующим. Замкнутость, куры, сад, вишневое варенье, виноград, огород, да и телевизора еще у них не было.

Она давно очень хорошо усвоила, что главное в жизни – прикосновение к невидимому, а может быть, и небывалому.

Вот сейчас она легла на сено – и небо осветилось оранжево-фиолетовым лучом.

Вот она поймала лунный луч, и сама стала частью его.

Вот она совсем маленькая, сидит на полу и видит на некрашенных досках что-то желтое-желтое. Небольшое желтое. Она хочет взять его руками. Но оно, пятно от солнца, не дается. Нинка не могла понять, почему. Она крепко трудилась, стараясь поднять его. И случилось чудо: желтое-желтое у нее в руках, и это никто не видит. Целый долгий летний день ходила неразумная маленькая девочка, соединив руки коробочкой, изредка заглядывая туда и проверяя, там ли желтое. Оно находилось там, и никто из взрослых не мог его увидеть.

Вот она уже большая, лет семи, идет кормить кур. Большой белой простыней с красным кинжалом гребня бросается ей навстречу ангорский петух и норовит клонуть ее в нос. Она отважно отбивается. Но ей все же жалко его. А он все нахальней прыгает на нее боком. Нинка спотыкается и падает. И от ее такого тяжелого припадения к земле у белого петуха исчезает черная злость: он совсем не горд, а сочувствующе подходит к ней и трется гребнем о Нинкину ногу.

Она хорошо усвоила волшебство прикосновения. Кроме нее, никто не знал и не понимал, какая она волшебная. Как только прикоснется, взглядом ли, рукой ли, все изменяется вокруг так, как будто бы она желала такого изменения. И только Иосиф узнал про это.

Наконец, Нинка спустилась с сеновала и принялась за свои обычные дела по дому. Вечером они снова сидели вместе за деревянным столом и ели жареное мясо со свежими помидорами и луком, запивая тем же вином. Облепленная мошкаррой лампочка над столом вписывала эту картину в вечность. После ужина Петр Васильевич и его толстая жена, уставшие после летнего дня работы, ушли спать, а Иосифу опять захотелось искупаться в теплом ночном озере. Он хотел пойти с Нинкой, но ее нигде не было видно, а звать в полный голос он не решился. Однако когда он вышел за калитку и направился по уже знакомой тропинке, от забора отделилась ее фигурка.

– Мне можно с тобой?

– Конечно. А как ты узнала?

– Не узнала, а просто знала. Ты ведь теперь – ты.

Они уже вместе тянулись за лунным лучом, по очереди ныряя в черно-серебристую воду. У Иосифа получалось не так ловко, как у нее, когда она, стоя на краю мостков, неуловимым движением вдруг находила линию луча и сама становилась им.

– Нужно только потрогать его.

– Как же потрогать его, хрупкого?

– А ты прикасайся к теплоте.

Иосиф молчал, нагибался, чуть-чуть сдвигался с места, вдруг слышал звучащую кривую иглу и, подняв руки над головой, шел навстречу, чтобы луч пронизал все тело, до вытянутых кончиков пальцев на ногах.

– Вот так, вот так! Видишь, получается! – торжественно пела Нинка, когда он выходил на берег.

Прошло несколько дней. Иосиф жил совершенно непонятной ему самому жизнью. Дни и вечера, заполненные полетами и душевными превращениями, вечерними лучами и вескими крестьянскими словами калейдоскопом сменяли друг друга. Благодаря осенившей его светоносной Нинке, он увидел в мире и себе самом многоцветность, рассматривал ее, радовался ей и пытался заглянуть вглубь. Открывшийся его глазу мир необычно окрашенных вещей и предметов по-новому открыл ценность всего живого, очистил его душу от тяжести всего прежнего.

Как-то раз они проносились над зеленым с просинью лесом. Иосиф летел, как обычно, перпендикулярно Нинкиной фигурке, образуя с ее правой рукой одну линию. Она же стояла в чаше огромного желто-палевого подсолнуха и извивалась телом так, чтобы тот плавно и быстро двигался в небесном пространстве. Воздух отраженными голубыми кубиками сновал то переливчатым дзиньканьем, то чистым звоном между ними и лесом. Нинка пошевелила рукой, и Иосиф глянул на нее. Она кивнула ему головой, указывая вниз. Там пятна синей зелени сталкивались друг с другом. Он все еще не мог понять, что нового заметила Нинка, так как это они видели и раньше. Она нетерпеливо переступила с ноги на ногу, подсолнух пошатнулся, и Иосиф чуть-чуть накренился. Тотчас различные пятна леса повернулись вверх и образовали единую переливающуюся изумрудом гибкую линию. Когда они опустились на середину лесной поляны и, усталые от полета, легли в траву, Нинка сказала:

– Вот так всегда, когда острое сталкивается с острым, когда тупое налезает на тупое, все рвется и ломается. Остаются одни рваные куски. Если же все припадает друг к другу, тогда получается такое одно. Если бы можно было забраться высоко-высоко, чтобы увидеть всю-всю землю, все-все села, все-все города, всех-всех людей, может быть, тогда это и была бы изумрудная линия. Потому люди и живут вместе, что у каждого есть то, чего нет у другого. Поэтому они и соединяются.

И потому они, все-все, братья и сестры, не двоюродные, не дальние, а родные, единокровные.

– Нинка, откуда ты знаешь?

– Так это же просто. Разве не так?

– Конечно так. Они по цвету соединяются. Я знаю. Я понял, когда ты появилась. Но это просто и не просто.

Они смотрели, как неслись облака по вечному небесному морю. Одним взглядом и в одно мгновение Иосиф увидел тысячи лиц. Ему представилось, как все они в одно и то же время подумали об одном и поняли то, что давно знала маленькая девчонка. Человеческое море, совершенно новое и непохожее на себя, раскрылось перед ним. Он любовался им, всматриваясь в его уголки, которые заслонял общий гул голосов.

В тот вечер они ужинали втроем. Петр Васильевич с поля пошел в правление по делам и, как полагала Нинкина мать, должен был вернуться нетрезвым. Посреди стола на большой сковородке коричнево дымилась жареная картошка, из глубокой миски, залитые томатной пастой, выглядывали запеченные кружки кабачков. Иосиф рассматривал их как красочные предметы и лишь затем прожевывал. Они молчали, изредка переговариваясь. Вдруг Любовь-Ванна спросила:

– Вы еще долго у нас пробудете?

– Да вот не знаю, – оторопело пробормотал Иосиф и увидел почерневшие от тревоги Нинкины глаза.

– Хорошо у вас тут, – искренне и просто произнес он. Нинка легко вздохнула, а Любовь-Ванна кивнула:

– Люди чудачки. Все на море и на море едут. Как будто летом где-то может быть плохо. Конечно, на море хорошо. Да ведь и у нас в садах и в лесу не хуже.

– Я ему покажу! Во, придумал гад!.. – раздался за воротами пьяный-пьяный голос Петра Васильевича.

– Перепил, – спокойно покачала головой Нинкина мать. Но желтая лампочка покрылась черным налетом.

– Ты все же поосторожней, Петя!

– Да, да не особенно, – ближе и ближе раздавались голоса в тревожно покрасневшей тишине.

Калитка хлопнула, во двор вместе с хозяином вошли еще двое. Петр Васильевич, качаясь, шел к столу, злобно, в упор, глядя на Иосифа. Нинкины глаза потемнели от страха, а Иосиф уже понял, что сейчас произойдет что-то ужасное, что сейчас их счастье с Нинкой разлетится, рассыплется, разнесется. ...Не мигая, смотрел он, как хозяин двинулся на него.

– Нинка, уходи! – тихо приказал Иосиф.

– Нинка, сукина дочь, зайди в хату и не смей носа выказывать!

Петр Васильевич злобно молчал, пока она не скрылась в доме.

– Ну, ты, падаль, – Иосиф, внутренне напряжившись, встал из-за стола, – тебе девок мало стало, так ты к ребенку полез. Маленьких девочек захотелось попробовать. – Опозорил, гад, на все село!

Он взмахнул крепкой крестьянской рукой. Из носа Иосифа хлынула кровь, но он даже не покачнулся.

– Пойми, Петр Васильевич, что ничего такого не было. Все это так же трудно понять, как вот... вот... как вот виноград, – сказал он, внезапно вспомнив первый вечер.

– Виноград, гад! Да! Нет! Врешь, сука, – злобно закричал тот и снова взмахнул рукой. Иосиф ощутил соленый привкус во рту. Острой иглой загорелась от века жившая в его крови обида, рождая ответную злость. Он поднял руку, развернул плечи и корпус, чтобы ребром ладони нанести удар по боку. Петр Васильевич согнулся вдвое. Он совсем не ожидал сопротивления. Пьяная злоба плескалась в его глазах. Выпрямившись, собрав тяжелые кулаки, он снова двинулся на Иосифа.

– Отец! – над ухом Иосифа зазвенел алым отчаянный голос Нинки, – отец, не бейте его. Вы не смеете! Отец?! – кричала она. А Иосиф понял, что ее отца он больше не сможет ударить, опустил руки и обмяк.

– Бей его, ребята! Нинка, пошла в дом!

– А! – а! – а! – а! – билась Нинка в руках потрясенной ужасом матери, ощущая своим тельцем, как сыпятся удары на Иосифа. Теперь его били втроем. Несколько раз он поднимался, но его сбивали с ног снова и снова. Первый приступ злобы прошел, и теперь они делали это деловито. Он ждал только, когда все закончится. Но конца не было.

Иосиф очнулся недалеко за воротами, на той самой тропинке, что вела к озеру. Рядом лежали его вещи. Верхушки деревьев смыкались с низкими черными тучами, которые тяжело и насмешливо нависали над ним. Он пошевелился. Ничего как будто не сломано.

– И на том спасибо, – усмехнулся он. Губы запеклись. Лицо и тело горели, покрылись ссадинами и синяками. Он попытался встать. Удалось. Поднял чемодан и поплелся к озеру. Оно лежало в черноте. Подойдя к берегу, сел в траву, разделся и полез в воду. Долго плескался, смывая кровь и пыль, затем лег спиной на очередную волну и медленно поплыл на середину. Тучи чуть-чуть разошлись, образовав круглое синее отверстие. Сквозь него желто мерцали далекие звезды, освещая Иосифа, лежащего на дне небесно-водного колодца. Тысячелетнее, щемящее, до боли знакомое чувство охватило его.

– Да, – без горечи подумал он, – все люди братья. Родные, единокровные.

Галина ХОТИНСКАЯ,
доктор философских наук, профессор, ректор Международного университета общественного развития, Президент отделения Философии мировой культуры Международной Академии общественного развития (Москва).

МАКСИМЫ МОРАЛИ

К 40-летию со дня смерти Теодора АДОРНО

Еще совсем недавно, шесть лет тому назад, весь мир отмечал 100-летний юбилей выдающегося немецкого философа, социолога, музыковеда, одного из основателей и ведущих теоретиков Франкфуртской социологической школы Теодора Визенгрунда Адорно.

Его отец был известным коммерсантом, а мать – знаменитой певицей, фамилию которой он носил. Он был двоюродным братом знаменитого немецкого философа Вальтера Беньямина, который, как и Адорно, по словам Томаса Манна, был обладателем «прихотливого, трагического и изысканного ума». Получивший блестящее музыкальное образование, Адорно уже в 18-летнем возрасте издавал журнал «Neue Blaetter fuer Kunst und Literatur». Тематический спектр музыковедческих работ Теодора Адорно – необычайно широк: здесь и исследования о классической музыке, о Шуберте, Моцарте, позднее Бетховене, Равеле, камерной музыке Хандемита, проанализирована партитура «Парцифалья» Вагнера, музыка Оффенбаха к рассказам Э.Т.Е.Гофмана, «Трехгрошовая опера» Вейля по Бертольту Брехту, шлягеры, вплоть до музыки Берга и Шенберга.

Адорно изучал философию, социологию, психологию и музыковедение во Франкфурте, где в 1924 году защитил диссертацию на звание доктора философии по феноменологии Гуссерля. В 1956 году он посвятил философии Гуссерля полемический труд «К метакритике теории познания».

В 30-е годы началось плодотворное сотрудничество Адорно с Хоркхаймером – главой Франкфуртской социологической школы. В 1931 году Адорно защитил вторую докторскую диссертацию по философии «Кьеркегор. Конструкции эстетического». В 1966 году к 150-летию датского философа эта работа Адорно переиздавалась с его предисловием. Кстати, творчеству Кьеркегора Адорно посвятил три замечательных труда: «Кьеркегор предсказал Чаплина», «Кьеркегоровское учение о любви» и «Кьеркегор еще раз».

Теодор АДОРНО

Следует отметить, что вместе со знаменитым христианским теологом Тиллихом Адорно организовал двухгодичный семинар во Франкфурте, где обсуждались проблемы иудаики и христианской этики.

Отстраненный фашистским режимом от работы, Адорно эмигрировал в Англию, где преподавал в Оксфордском университете, а с 1938 года он преподавал в США. Он издал серию работ по социальной философии и социологии. Это прежде всего его всемирно известные труды: «Социология 1–11. Речи и доклады» (1962), «Проблемы радиовещания» (Исследования Принстонского университета. 1938–1941).

С 1944 по 1949 год Адорно был директором и руководителем проекта «По проблемам социальной дискриминации» в Лос-Анджелесе, где проводил социологические исследования по социально-психологическим предпосылкам фашистской идеологии,

результатом которого стал коллективный труд под названием «Авторитарная личность» (1950).

Адорно является автором монографий о Вагнере, Малере, Берге, классических музыковедческих трудов по проблеме слушателя и адекватности музыкального восприятия.

На европейскую культуру XX века оказали значительное влияние такие труды Теодора Адорно, как: „Диалектика Просвещения. Философские фрагменты“ (1947), «Философия новой музыки» (1949), „Minimum Moralia“ – Размышления об ущербной жизни» (1951), «Три трактата о Гегеле» (1963), «Жаргон аутентичности. О немецкой идеологии» (1964). Вплоть до 1964 года Адорно возглавлял германское социологическое общество. Пережив страшный кризис после расхождения с «новыми левыми», Адорно заболевает и уезжает в Швейцарию, где вскоре умирает.

Творчество Теодора Адорно, которого Томас Манн именовал «действительным тайным советником моего романа «Доктор Фаустус», высоко отмечалось мировой культурологической мыслью в 2003 году.

Никто так глубоко не проанализировал культур-индустрию и массовый обман в XX веке, как Теодор Адорно. Эта культура не создает эстетические ценности, а продуцирует фальшивую идеологию, уничтожает субъективную выразительность существующим порядком, вследствие чего происходит самоотчуждение субъекта. Фальшивой музыке Адорно противопоставил значимую музыку Стравинского, которая воспроизводит «образ безнадежной русской надежды» в гротесковом специфически русском выражении. Адорно считал Стравинского создателем новой полифонической формы, хотя некоторые исследователи полагали, что Стравинский дискредитировал музыку Стравинского.

Вплоть до середины 1970-х годов труды Адорно в СССР были известны маленькой группе специалистов. Переводить труды философа в России начали тринадцать лет тому назад – с 1997 года.

11 сентября 2009 года исполнилось 106 лет со дня рождения выдающегося философа и культуролога XX века Теодора Визенгрунда Адорно (1901–1969), автора всемирно известной «Негативной диалектики» (1966), признанного лидера Франкфуртской социологической школы, автора бессмертных афоризмов: «После Освенцима невозможно создавать стихи», «Человечество нуждается в минимуме морали» („Minimum Moralia“), «Невозможность подлинной жизни среди фальши». 2003 год в мировой философской и культурологической среде был объявлен Годом Теодора Визенгрунда Адорно.

В честь юбилея Адорно в Германии проводилось восемь международных конференций, в 2003 году вышли в свет три новых биографии Адорно: Лоренца Егера «Теодор Адорно. Политическая биография», Детлефа Клаузена «Теодор Адорно – последний гений» и Штефана Мюллера «Дом Адорно». Знаменитая телепередача «Ночная студия» посвятила известному мыслителю полуторачасовую передачу по каналу 3-SAT, где в обсуждении жизненного и творческого пути Теодора Адорно приняли участие видные философы и культурологи Германии во главе с постоянным ведущим передачи Фолкером Панцером. О творчестве Адорно спорили профессор теории культуры из Мерцесвской академии Дитрих Дитрихсен, профессор истории мирового кино-искусства Гертруд Кох из Свободного Берлинского университета и профессор философии из Амстердамского университета Мария Зондерэккер, высказавшие разные точки зрения на учение Адорно об анархизме и марксизме, на его философские взгляды и малоизученный жизненный путь.

Швейцарская передача «Звездные часы мировой философии» выпустила полуторачасовую программу об известном музыковед, эстетике и социологе. Более ста репрезентативных немецкоязычных газет посвятили юбилейные статьи памяти выдающегося мыслителя. Во Франкфурте в районе города Бакенштайн был открыт памятник Теодору Адорно, созданный русским скульптором Вадимом Захаровым. Адорно изображен сидящим за письменным столом. Ученик Адорно профессор социологии из Ольденбурга Стефан Мюллердом при открытии памятника предложил создать во Франкфурте центр Адорно вместе с библиотекой и видеотекой. Межрегиональный центр социальных исследований в Бонне организовал конгресс памяти Теодора Адорно, в особенности его исследованиям структур тоталитарных систем и типам тоталитарных личностей XX века. Молодые солисты знаменитой Немецкой филармонии дали концерт в честь Адорно, исполнив его сочинения, а 80-летний австро-венгерский композитор Дьердь Лигетти был удостоен специальной музыкальной премии Адорно.

Теодор Визенгрунд Адорно – выдающийся музыкант, теоретик музыки, пианист и композитор (Томас Манн вывел его в романе «Доктор Фаустус» в образе Адриана Ливеркюна). Адорно был ближайшим другом таких всемирно известных философов XX века, как Зигфрид Кракауер, Вальтер Беньямин, Эрнст Блох, Герберт Маркузе, Георг Лукач, писателей Бертольта Брехта, Лиона Фейхтвангера, Генриха Манна, композитора Ганса Эйслера. Адорно был первым интерпретатором гимна ГДР.

Франкфуртская социологическая школа берет свое начало в 20-ые годы с Института социальных исследований, директорами которого поначалу были австрийский марксист Карл Грюнберг, потом Фридрих Поллок, затем с 1931 года Макс Хоркхаймер. Они издавали журнал «Архив истории социализма и рабочего движения» и журнал «Социальные исследования», устанавливая преемственность гегельянства, марксизма и фрейдизма. С конца 30-х до конца 60-х годов Адорно был лидером Франкфуртской социологической школы.

Адорно оставил выдающиеся исследования о Кьеркегоре, Гуссерле, Канте, Гегеле и, как отмечают специалисты, трудно доступный для профанного понимания труд «Негативная диалектика» (1966). Это произведение он считал своим главным философским сочинением. «Философия, по словам Адорно, служит только маскарადу реальности, чтобы увековечить существующий порядок». «Мы живем после Аушвица, и прочитываемый философией текст полон лакун и контрастов, что трудно не приписать демонической слепоте».

Адорно родился в зажиточной буржуазной семье 11 сентября 1903 года во Франкфурте-на-Майне. Его отец Александр Визенгрунд, его имя потом сократилось до уменьшенной формы, происходил из семьи зажиточных винооторговцев, и в семье был на второстепенных ролях. Воспитанием сына занималась мать – Мария Визенгрунд, урожденная Кальвелли-Адорно, прекрасно игравшая на фортепьяно. Дочь оперной певицы немецко-корсиканского происхождения привила сыну любовь к изысканным искусствам и классической музыке. Адорно был привлекательным учеником, одним из лучших гимназистов, он оставил воспоминания о травмирующей атмосфере зависти и муштры, царившей в школах предфашистской Германии. Позднее Адорно создаст эссе «Злой однокашник», вошедшее фрагментом в его знаменитую книгу «Минимум морали» и частично в переработанном виде в его эссе «Воспитание после Освенцима» (1970).

В 1919 году Адорно брал уроки композиции у Бернхардта Зеклеса, в 1921 году изучал философию, музыкальную теорию и психологию во Франкфурте, после окончания университета работал музыкальным критиком, в 1924 году защитил кандидатскую диссертацию о Гуссерле, в 1925 году переселился в Вену, брал уроки композиции у Албана Берга и уроки фортепьяно у Эдуарда Штоермана. В 1927 году вернулся во Франкфурт, к этому времени относятся его первые попытки связать философские изыскания с музыкальной теорией. Сблизившись с кружком Макса Хоркхаймера, Адорно напишет первую докторскую

диссертацию «Понятие бессознательного в трансцендентальном учении о душе». Адорно активно сотрудничал в качестве редактора венского музыкального журнала «Наступление». В 1931 году он защитил вторую докторскую диссертацию о Кьеркегоре.

В 1934 году нацисты запретили Адорно работать в Австрии, и он тайно перебрался в Лондон, работал одно время в колледже Мерттона, женился на старой знакомой Маргарите Карплус, безумно любившей его всю жизнь и сошедшей с ума после его кончины. В начале 30-х годов ему даже удалось довольно часто посещать Германию. В 1938 году Адорно переселился в Нью-Йорк. Он становится сотрудником института социологических исследований, работает на Принстонском радио над рядом исследовательских проектов. В 1938 году обозначились его резкие расхождения со взглядами Вальтера Беньямина. В 1941 году он переселяется в Лос-Анджелес и начинает работать совместно с Хоркхаймером. В это время он создает свою знаменитую «Негативную диалектику просвещения». С 1944 года принимает участие в исследовательских проектах института Беркли, посвященных проблемам антисемитизма, и готовит ряд исследований о структуре авторитарной тоталитарной личности. Адорно исследует с психологической точки зрения феномен тоталитаризма в аспекте авторитарности. Главными трудами этого времени, вышедшими из-под его пера, становятся «Minimum Moralia» и «Философия новой музыки», а также «Диалектика просвещения», в которых в качестве соавтора вплоть до 1949 года принимал участие Макс Хоркхаймер. Потом Адорно вновь возвращается во Франкфурт, где работает профессором во вновь созданном институте социологических исследований. В это время он создает новый университет в Ольденбурге (1956). С июля по август 1956–1966 годов под руководством Адорно в Дармштадте регулярно проходили летние курсы, посвященные новой музыке. Это была своего рода его экзистенциальная форма существования, написанная ему на роду деятельность, объединявшая философию и музыку. Сильной стороной философии Адорно было совершенство художественной формы, сводившееся к выявлению противоречий, без каких бы то ни было ложных надежд. И если поначалу этот тип философствования вполне отвечал духу времени, то впоследствии обнажились противоречия иного плана, когда его теория пришла в столкновение с практикой молодежного бунта.

У Адорно было двойное отношение к США, к стране, которая приютила его, спасая от нацистского террора, но одновременно знакомство с культурой Америки оказало на него шокирующее воздействие.

В 1952 году он последний раз посещает США, хотя остается в США научным руководителем фонда Хакера.

В 1961 году выходит работа Адорно «Спор о позитивизме», базирующаяся на критическом отношении к рефератам Карла Поппера. В полемике с Поппером выходит его «Логика социальных наук». В 1963 году Адорно становится президентом Немецкого социологического общества, удостоивается именного нагрудного знака Гете. В 1968 году намечаются острые разногласия Теодора Визенгрунда Адорно с молодежным бунтом. 31 января 1969 года Адорно пригласил полицию очистить зал от хулиганствующих студентов, которые сорвали полностью летний семестр. 22 апреля 1969 года в аудиторию во время лекции Адорно ворвались три молодых женщины, облаченные в черные кожаные куртки. Разорвав застежки на куртке, они бесстыдно обнажили грудь, бросив к ногам смущенного и шокированного их сексуальной атакой философа букеты роз и листовки с текстом: «Адорно как философская инстанция – политический труп». В зале разразился хохот. Адорно, прикрывшись портфелем, зарыдал. Вспоминая эту историю, тележурналист Гвидо Кноп, в прошлом студент Адорно (он присутствовал на этой лекции), заметил: «Ассистенты вывели из зала под руки рыдающего Адорно, который сказал: «Я глубоко страдаю от brutального идиотизма и эротических репрессий». Лишь спустя семь недель после этого шокирующего инцидента Адорно смог вновь приступить к чтению лекций. Долгое время он так и не смог оправиться и 6 августа 1969 года умер в Виспе в Швеции от инфаркта.

В годы американского изгнания Адорно занимался эмпирической социологией, общетеоретическими проблемами эстетики и, в частности, проблемами музыкальной социологии, а также исследованиями в области трансформации литературных процессов. Центральным моментом эстетики Адорно был постулат об автономности и двойственности искусства как социального субъекта (социальный факт) и вывод о неизбежных антагонизмах между реальным и эстетическим, поскольку произведение искусства как целое неизбежно таит в себе в скрытом виде имманентные проблемы уже в самой эстетической форме. Адорно писал о диалектической связи исторического содержания и эстетической языковой форме, отвергал вульгарное марксистское представление об искусстве как зеркале действительности, как рефлексии о классовой борьбе и негативно относился к эстетическим постулатам соцреализма, как, впрочем, не принимал он и послебуржуазные представления о религиозном искусстве.

Он не мыслил себе искусства бессодержательным, вне Истины, Добра и Красоты. Для него подлинное произведение искусства всегда сохраняет критическую дистанцию и утопическую дистанцию по отношению к исторической реальности. Практически Адорно сохранял пессимистический взгляд на исторический прогресс, который в заостренной форме нашел выражение в его «Негативной диалектике», содержащей взгляды об автономном положении искусства как единственном хранителе разума, свободы и счастья в «универсальном ослеплении царства всеобщих зависимостей». И хотя Адорно не был литературоведом в прямом смысле слова, тем не менее его именуют создателем литературной социологии. Его «Оценки литературе» (1958), «Жаргон повседневности» (1965), «Метакритика теории познания. Учение о Гуссерле и феноменологических антиномиях» проливают важный свет на целый ряд литературоведческих проблем. Адорно писал о традиции и авангарде в литературном содержании. В его трудах, таких как «Диалектика просвещения», «Эстетическая теория», «Эссеистских миниатюрах», «Место повествователя в современном романе», «Точка зрения наблюдателя в повествовательном произведении», «Речь о лирике и обществе», встречаются филигранные, отточенные формулировки, которые интерпретируют литературное произведение с неожиданной точки зрения. Эти труды вдохновляют уже три поколения литературоведов после Адорно и имеют столь же революционизирующее значение для эстетики, как и труды М.М. Бахтина.

Адорно одним из первых заговорил о коммерциализации искусства, культуриндустрии, о влиянии идеологии рекламы на жизнь общества. Теодор Адорно был убежден: искусство является масштабом. Поскольку материалом искусства является то, как описывается культура, то у тебя нет никаких шансов использовать культуру как товар. Искусство – это райское царство. Практически это была герметичная точка зрения на искусство.

Сочинение «Диалектика просвещения» Адорно создал с целью выразить свое несогласие с произведением Бетховена «Потерянный грош». Адорно утверждал: «В жизни имеются два пространства – политическое и общественное. Искусство как продаваемый продукт и искусство как вещь в себе, искусство как самокоррекция. В «Диалектике просвещения» Адорно выразил диалектическую точку зрения на историю развития общества, на его природный смысл и рефлексивное отношение к нему. Искусство – сакральный товар, имеет скорее всего материальный смысл, рефлексивно запаянный.

Безусловно, Адорно был скрытым романтиком и мистиком, он находился в поисках утраченной точки зрения на искусство. Его восприятие искусства основывалось на постулате необходимости, было своеобразной формой резюмирования культуры индустрии, он размышлял о лжи культуры индустрии. Курьезом и парадоксом представляется то, что на примере рефлексии по поводу собственного тела и телесности и критической дистанции к нему взгляды Адорно трактуются сегодня как своего рода учение постмодернизма.

Адорно оставил незабываемые суждения о Беккете, Кафке, Шенберге (он первым усмотрел связь этих художников с рационализмом). Некоторые биографы пытаются зачислить Адорно в ранг теоретиков поп-культуры. Многие интерпретаторы Теодора Адорно высказывают суждение, что он имел взгляд на искусство как бы с космической перспективы.

Адорно по-новому вербализовал теорию комического у Канта на основании учения о парадоксе и понятие гротеска и комики у Кафки: «Комическое и комик – это своего рода вариация прерывности».

Музыкальная теория Адорно – это теория самопародирования. Оригинальны его теория комического и критика джаза (Адорно ввел понятие стандартизации). Спорным представляется его суждение: «джаз – это фальшивый кандидат, это дегенерировавшая форма салонной музыки». Адорно первым описал экспорт джаза в Европу, и первым систематизировал джаз и практически был первым музыковедом, который объяснил, как следует обращаться с соматическими феноменами в области искусства. Благодаря Адорно мировая эстетическая теория обогатилась пониманием того, что является структурным элементом популярного искусства, как проработанный мотив приобретает нарративное значение. Адорно критиковал принцип случайного совпадения в поп-культуре, размышлял о несовместимости феноменов, сведенных воедино, о коллективном восприятии, коллективной рецепции и об одиноком читателе, об одиночестве читателя и одиночестве слушателя. «Культуриндустрия, производящая одинокого слушателя, воссоздает одиночество. Практически имеется лишь регрессивное коллективное слушанье».

Особое значение имеет понятие массы у Адорно. В 20-е годы понятие массы было центральным понятием и рассматривалось как позитивный момент. Но ведь в семантике слова «масса» скрывается проблема, множество проблем: массовая культура, массовый культ. И эти понятия весьма трудны для объяснения. Это вид массовой культуры, и об этом на сегодняшний день в мировой философии почти ничего не сказано.

Чем была Франкфуртская школа для мировой философии, и является ли Адорно вообще доступным теоретиком?

Политика незримо вмешивается в нашу повседневную жизнь. Остается ли для человека возможность для принятия самостоятельных решений и действий? Все эти вопросы волновали Адорно.

Т. Адорно регулярно выступал с докладами на радио. Он размышлял о массовой индустриализации. И хотя он не принимал активного участия в акциях протеста, как Руди Дучке (в 50-е годы был другой масштаб измерения бытия), он полагал, что там, где нельзя изменить массы, нужно создать новые массы, новую форму массовой политической мобилизации – иммигрантскую культуру. «Порочной и ничтожной культуре необходимо противостоять» – таков был девиз Адорно.

Адорно-социолог оставил блестящие труды об антисемитизме, он был великолепным диагностом своего времени. Его учение о типах слушателя до сих пор остается непревзойденным. В его музыкальных теориях специалисты усматривают отголоски еврейской и христианской теологии. Сегодня происходит как бы ревизия моральной философии Адорно.

В работах Теодора Адорно, как и в трудах Фридриха Ницше, всегда можно обнаружить прекрасные пассажи, которые звучат необычайно злободневно, как, например, его суждение: «Мы смотрим с уверенностью в прошлое». В «Трех очерках о Гегеле» (1963) Адорно писал: «Разум становится неспособным уловить реальность не в силу собственной неспособности, а поскольку реальность не есть разум. Задача негативной диалектики – перевернуть ложную уверенность философских систем и привлечь внимание к индивидуальному».

Для России, которая является трансформирующимся и обновляющимся обществом не только в сфере экономики и культуры, но и в управлении, опыт Теодора Визенгрунда Адорно как никогда актуален.

МАРКИ В ЧЕСТЬ СОФИ

Почтовые ведомства ряда стран выпустили к юбилею профессора Софи Тахаловой персональную почтовую марку с ее портретом.

Очевидно, что выпуск почтовой марки с портретом Софи Тахаловой свидетельствует о том, что ее профессиональная и общественная деятельность заслуживает уважения и публичного признания.

Необходимо отметить, что именная марка – это особая привилегия для членов Западно-Европейской Академии наук и культуры, которые получают возможность не только увековечить свой портрет и свое имя, но, что особенно важно, эти марки могут стать предметом коллекционирования, а также часто входят в соответствующие каталоги. Создание такой галереи портретов членов Академии позволит сохранить для будущих поколений портрет академика, а также формирует уникальное собрание персональных марок современников, объединенных в рамках одного научного сообщества. Кроме того, это редкая возможность рассказать о члене Академии, который изображен на этой марке.

Какие же страны откликнулись на этот юбилей: это Австралия, Англия, США, Канада и другие. Конечно, это первый опыт такого сотрудничества научного сообщества – Академии и соответствующего почтового ведомства, которое в перспективе позволит создать серии персональных почтовых марок, это может быть собрание марок, например «Выдающиеся ученые», «Изобретатели и авторы научных открытий», «Выдающиеся деятели культуры и искусства» и т.д.

Таким образом, выпуском почтовых марок профессора Софи Тахаловой дан старт новому перспективному проекту Западно-Европейской Академии наук и культуры.

Профессор Владимир Тыминский,
Ганновер

„Наш театр“

Слева сверху: К.ГОЦЦИ «Любовь к трем апельсинам».

Принц – Кузьма КОБАК,
Принцесса – Юля ОСОВЦЕВА.

Справа сверху: Е. ШВАРЦ «Два клена».

Василиса – Ольга ГЕБЕЛЬ,
Клены – Екатерина ГРОМЫКО,
Элеонора ЦИСРА.

Посередине сверху: И.ЖАМИАК «Мсье Амилькар».

Александр АМИЛЬКАР – Ариэль ГАВРИЛОВ,
Элеонора – Анна РАЯК.

Слева внизу: И.ЖАМИАК «Мсье Амилькар».

Виргиния – Мария ШПАКОВА,
Поло – Сергей СЕРЕГИН.

Справа внизу: «Играем дружную семью».

Сюзетта – Елена КОПЕЛЕВИЧ,
Роберт – Михаил РОТШТЕЙН.

Фото: Анастасии СИГАЛОВОЙ, Владимира МАХНО.

X Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе

*Вверху: Олимпиец X турнира
Александр КУЗНЕЦОВ
(Сент-Луис, США).*

*Олимпийцы X турнира
слева направо:
Евгения БОСИНА (Израиль),
Антонина БЕЛОВА (Россия).*

*Призер X турнира
слева внизу:
Виктор ШАПИРО (Россия).*

*Справа внизу: „родители-
основатели“ турнира Рафаэль
АЙЗЕНШТАДТ, Галина
ПЕДАХОВСКАЯ.*

Фото: Симон ВИЛКОРИЩУС.

«Дети Софи»

Любовь... Свадьба. Счастливая молодая семья...

Проходят два-три года, и супругов начинают посещать тревожные мысли: «Почему у нас нет детей?»

И здесь приходит следующий этап жизни: врачи, месяцы мучительного лечения. Иногда удается достичь долгожданного результата — в семье появляется ребенок. Но бывают случаи,

когда традиционная медицина бессильна, целостность семьи оказывается под угрозой. И тогда как к последнему средству супруги обращаются к помощи нетрадиционной медицины. Многие из них приезжают к профессору Софи Тахаловой. Ее целительные руки, ее способность активизировать резервные силы организма подарили многим женщинам счастье материнства.

Вспомните в эти фотографии — в цветущие, жизнерадостные лица малышек, которых называют «детьми Софи», в счастливые, улыбающиеся лица матерей, которые обрели цель и смысл жизни!

Софи

ТАХАЛОВА,

академик Российской Академии естественных наук и культуры, Международной Академии наук о природе и обществе, кавалер ордена Мальтийский крест, профессор Кооперативного университета (Северная Каролина, США)

Пицца, улучшающая работу

ГОЛОВНОГО МОЗГА

Советы профессора Софи ТАХАЛОВОЙ

Цельнозерновые. Входите в комнату и забываете, зачем пришли? Не помните, как зовут знакомых? Пора начинать есть больше цельнозерновых продуктов, то есть крупу, пшеничные отруби, пшеничные ростки. У людей, увеличивающих прием фолиевой кислоты, витамина В12 и витамина В6, память лучше, чем у тех, кто не принимает эти витамины.

Орехи. Содержащийся в них витамин Е предотвращает ухудшение памяти. Орехи – отличный источник витамина Е, – так же, как и зеленые листовые овощи, семечки, яйца, коричневый рис и цельнозерновые.

Черника. Экстракт черники помогает от временной потери памяти.

Жирная рыба. В рыбе, масле из грецких орехов и из льняных семечек содержатся кислоты Омега-3, необходимые для здоровья нервной системы. Низкий уровень ДНА приводит к потере памяти и болезни Альцгеймера. В рыбе также содержится йод, который поддерживает ясность ума.

Помидоры. Существуют научные подтверждения того, что ликопен, мощный антиоксидант, находящийся в помидорах, помогает от свободных радикалов, повреждающих клетки и приводящих к слабоумию.

Черная смородина. Давно считается, что витамин С поддерживает живость ума. Один из лучших источников витамина С – черная смородина.

Шалфей. У шалфея отличная репутация средства для улучшения памяти, и почти все исследования доказывают, что в нем содержится масло, которое как важный компонент нужно добавить в диету.

Брокколи. Отличный источник витамина К, который улучшает способность концентрировать внимание и улучшает работу мозга.

Тыквенные семечки. Горсть семечек в день – это рекомендуемая доза цинка, необходимого для улучшения памяти.

Чудо-продукты

Некоторые продукты особенно хороши для очищения организма от токсичных веществ, неизбежно образующихся в организме под влиянием современного образа жизни. Включайте, хотя бы три из них, в ежедневный рацион.

Яблоки. Ешьте яблоки вместе с кожурой.

Бананы. Полны пектином, клетчаткой, которая помогает организму избавиться от токсичных отходов.

Виноград. Очищает весь организм.

Овсяные хлопья. Богаты клетчаткой и легко перевариваются.

Картофель. Богат клетчаткой, особенно, если есть его с кожурой.

Коричневый рис. Промывает пищеварительную систему.

Лимонный сок. Очищает и помогает подавить тягу к сладкому.

Морковь. Богата клетчаткой и полезна для печени.

Петрушка. Лучше всех пряных растений очищает организм и помогает пищеварению.

Свекла. Прекрасный тоник для переутомленной печени.

Сельдерей. Способен очистить от токсинов почки.

Спаржа. Полезна для печени и почек.

„ПОГОВОРИ СО МНОЙ НА МОЁМ ЯЗЫКЕ“

Корреспондент журнала „Оазис“ **Лина КАРА** беседует с режиссером театра „Наш театр“ **Эриэлем Гавриловым** и актерами, которые рассказали о создании театра, становлении его как творческого коллектива, планах и надеждах.

„Наш театр“ объединяет режиссера, актеров, художников – всех тех, для кого театр и сцена составляют важную и необходимую часть жизни, дают возможность реализовать свои профессиональные и творческие устремления.

«Наш театр» – это театр, который хочет говорить со зрителем о важных и серьезных проблемах человеческой жизни. Это театр искреннего чувства, театр человеческой психологии. Мы приглашаем зрителя вместе с нами размышлять над вечными вопросами о месте человека в этом мире, о тоске одиночества, о горе разлуки, непонимания, о радостях и опасностях любви, о настоящей дружбе, о человеческом дерзновении, о тайном устройстве человеческой души.

Это может быть пьеса, написанная на нашем родном языке, или перевод, но в ней во всей полноте должны раскрываться близкие и знакомые, наши, родные, темы и сюжеты, истории и картины. Они должны быть представлены в традиции российского театра, пусть это будет реалистический драматический театр или театр авангарда, но он будет носить колорит российской драмы и российского авангарда.

Сцена из спектакля „Два клена“.
Василиса- Ольга ГИБЕЛЬ,
Аленушка- Мария СПЕКТРОВА,
Котофея Ивановна- Елена КОПЕЛЕВИЧ.

Мы хотим, чтобы в нашем театре звучало, прежде всего, выразительное и красивое русское слово.

Итак, психологическая глубина, традиции российского искусства и русская речь – на этих трех принципах строится творчество «Нашего театра»; именно эти три составляющих дают нам надежду, интегрируясь в новое общество, сохранить себя и ту уникальную культуру, носителями которой мы являемся. Они позволяют нам всем, живущим в эмиграции, сохранить свое достоинство перед лицом других культур (прежде всего, немецкой), перед лицом истории и поколением молодых, подрастающих наших потомков.

Чтобы вырастить молодых людей в уважении к российской культуре и привить им глубокое ее понимание, недостаточно научить их говорить, читать и писать на русском языке. Нужно показывать настоящие проявления этой культуры в живом творческом развитии, чтобы они умели воспринимать ее, серьезно размышлять над затронутыми в ней вопросами, пропустить ее через себя, через свою жизнь и стать ее частью.

«Наш театр» хотел бы – по мере сил, возможностей и таланта – работать в этом направлении.

Первый спектакль «Нашего театра» состоялся 17 апреля 2004 года. Это была премьера постановки Эриэля Гаврилова по пьесе Ива Жамиака «Месье Амилькар». Два актерских состава с успехом сыграли этот спектакль 13 раз на театральных площадках Дюссельдорфа, Дуйсбурга, Эссена.

Творческая жизнь Эриэля Гаврилова начиналась в Пятигорском ТЮЗе. При театре находилась полупрофессиональная-полулюбительская студия. Среди пятнадцати-шестнадцатилетних артистов были Эриэль Гаврилов и Наташа Болдырева, его будущая жена. Впоследствии принцип театра, в котором заняты одновременно профессионалы и любители, станет определяющим в режиссерской работе Гаврилова. А то, что юношеское увлечение театром будет делом жизни, становится очевидным. Эриэль учился в Ленинградском институте культуры, но после конфликта с заведующим кафедрой режиссуры ушел из института – хотелось самостоятельности, творческой свободы. Он работал со старшеклассниками в театральных студиях, много читал, занимался самообразованием.

«Правильного», системного, регулярного образования не получилось: рано ушла из жизни Наташа, много времени и внимания требовала трехлетняя дочка. Приходилось работать, зарабатывать. В 1982 году Эриэль уехал с маленькой дочкой на Север, в Мурманскую область. Здесь была возможность получить квартиру, а дочку определить в детский садик. Работу он нашел на Кольской АЭС, где при Доме культуры создал театральную студию. Он всегда любил работать с молодежью – проверял свои знания, опыт. «Было интересно, – вспоминает об этом времени Эриэль. – Мы изучали теорию, знакомились с системами Станиславского, Крега, Мейерхольда. Искали, экспериментировали, сами создавали реквизит и декорации к спектаклям. Выпускали три спектакля в год». Многие студийцы стали профессиональными актерами, а Эриэль окончил режиссерский факультет Театрального училища им. Щукина (курс В.А.Эуфера), стал профессиональным режиссером. Как и обещал сам себе в память о жене Наташе.

За годы жизни на Севере Гавриловы привыкли к этому краю и полюбили его, но из-за проблем со здоровьем дочери вернулись в Пятигорск. Эриэль работал в Ессентуках. Творческий же принцип режиссера оставался неизменным: «Мне всегда хотелось, чтобы постановочная часть шла параллельно с педагогикой. Для меня театр – это творческая семья. А свою роль как режиссера я вижу в том, чтобы раскрыть не только актерские, но, что для меня не менее важно, человеческие возможности членов театральной семьи.

С 2001 года Эриэль Гаврилов живет в Германии.

Для следующей постановки мы выбрали детскую пьесу. Замечательная сказка Евгения Шварца «Два клена». Премьера состоялась 9 декабря 2006 года. Спектакль с успехом шел в Дюссельдорфе, Эссене, Дортмунде, Вуппертале.

Затем мы представили спектакль для взрослых «Играем дружную семью» (автор – Марк Камолетти). Эта веселая и обаятельная комедия положений быстро завоевала зрительские сердца. Мы играли ее на сцене Театрального музея и Freizeitstaette Garath города Дюссельдорфа.

И, наконец, совсем недавно, 18 октября 2009 года, состоялась премьера красочной романтической феерии по известной сказке Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам», которую с восторгом приняли маленькие и большие зрители. Мы надеемся еще не раз сыграть ее в Дюссельдорфе и других городах! Мы будем и в дальнейшем с удовольствием играть спектакли для детей и взрослых.

Все спектакли созданы в разной стилистике, они

раскрывают различные стороны русской театральной традиции.

«Месье Амилькар» — тонкая психологическая драма, поставленная в реалистической манере. В ней поднимается тема отчаянного поиска человеком любви, нежности, взаимопонимания. Главные герои пытаются построить модель семейных взаимоотношений, дружбы; они берутся за деньги разыграть комедию чувств, но каждый вдруг открывает в себе такие глубины одиночества, такую жажду человеческой любви, что начинают проживать эти отношения всерьез, так что «уже невозможно отличить, какие чувства настоящие, а какие нет...» Живая жизнь так и не дает им услышать и полюбить друг друга до конца... Все это знакомо каждому из нас, и зритель невольно погружается в размышление о собственной жизни, своих чувствах и своем одиночестве. Недаром многие уходили со спектакля со слезами на глазах.

Спектакль был решен при минимуме декораций. От актеров требовалась особая глубина проживания, психологические оттенки – «перламутр чувства», как любит говорить режиссер, – и в то же время простота красок и средств актерской выразительности. И музыка, конечно, которая передавала и боль, и отчаяние, и надежду, – точно подобранная режиссером спектакля.

Второй спектакль «Два клена» — лубочная сказка для детей. На сцене таинственный волшебный лес, танцует избушка на курьих ножках, Медведь лакомится медом, Пес и Котофея Ивановна исполняют забавный танец. Баба-Яга выкатывает то на самокате, то на роликах: это маленькая разбойница, озорная девчонка, никто с ней не дружит, вот она и заманила к себе в лес двух мальчишек, да и превратила их в клены. Чтобы спасти своих детей, приходит в лес Василиса-работница, а за ней и сестрица Аленушка, простоватый Медведь, кокетливая Кошка, обаятельный Пес. Они помогают ей расколдовать мальчиков. Вот и получается, что главное волшебство – не колдовские чары, а материнская любовь, которая подсказывает Василисе, где искать детей и как перехитрить и перевоспитать упрямую Бабу-Ягу.

Здесь важно было создать атмосферу таинственности, волшебства, сказочного леса. Здесь звери с характерами – смешные, обаятельные, трогательные, Василиса – нежная и любящая, у Бабы-Яги горб раскрывается крыльями, стоило только ей пожалеть детей и Василису: добро побеждает зло, доброта, которая спрятана в сердце, в душе, побеждает обиду и зависть, учит дружить, сочувствовать, сопереживать. Дети на спектакле смеялись, плакали вместе с актерами.

«Играем дружную семью» – смешная французская комедия. Персонажи этого спектакля оказываются «не в своей тарелке»: кухарка становится моделью, любовница притворяется кухаркой, а приятель оказывается любовником жены. Герои стараются сохранить свои отношения, но им приходится постоянно приспосабливаться к новой ситуации и новым правилам игры, которые возникают буквально из неосторожно сказанного слова. И каждый из них до такой степени погружен в свои переживания, что не видит очевидного обмана, игры за его спиной и прямо перед его носом. Они подвижны, как ртуть, меняют обличия, путаются в словах, они комичны и трогательны, нелепы и обаятельны.

В конце концов каждый делает свой выбор, и все встает на свои места: семейная идиллия восстановлена, кухарку забирает ее грозный муж, а двое свободных молодых людей нашли друг друга.

Комедия положений требовала другого решения пространства, костюмов, манеры игры. На сцене четыре ширмы на колесиках и крутящаяся дверь – они становятся комнатой, кухней, спальней, здесь все подвижно, стены эфемерны, герой «впрыгивает» в ситуацию, как на подножку трамвая, чтобы проехать минуту и соскочить где получится. В том же ключе подобраны и костюмы – элегантные и светские и в то же время броские, иногда буффонные, и музыка – ироничная и гротескная – она как бы подмигивает зрителю и приглашает его в игру.

Эриэль Гаврилов создал «Наш театр» пять лет назад... Пять лет «Нашему театру», не так уж много, но чувство такое, как будто мы прожили за это время несколько жизней...

В этом году играем «Любовь к трем апельсинам»: яркий, красочный, карнавальный спектакль. В нем столько музыки, танца, красок – комедия дель-арте. У Гоцци только намечены ситуации, только чуть-чуть набрасывается канва сюжета, вот история, а ты, актер, играй про что ты хочешь. Мы играем про любовь, от которой не уйти, которая переполняет сердце – и ты уже в себе не властен. Принц отправляется в путь с верным другом Труфальдино, грустный король отпускает его – из любви, слезы принца разжалобили дерево, и оно отдает свои волшебные апельсины. Спектакль получился карнавальный, каким и должен быть театр, театр для детей, – сказкой, таинством, в котором все – красота и костюмы, и декорации, и танцы, и речи, чтобы им хотелось тоже играть – с нами – в красивое! И они вовлекаются в игру, подсказывают, спорят, смеются, отдают свои слезки, – и подползают все ближе к сцене, потому что – красиво и весело, и сказочно! Уходят счастливыми,

потом спрашивают: «А как это деревья и апельсины светятся, а что, правда, один вырос за дорогу?»

Играем и танцуем и декорации делаем – единым духом все вовлечены. Кто все это придумал? Режиссер, конечно, – Эриэль Гаврилов своим талантом, терпением (и каким!). И несмотря на «карнавальный» стиль спектакля – только глубина и правда переживания, яркая выразительность требуется от каждого актера, но ты знаешь, режиссер проживает из зала с каждым из нас его роль. Музыкальный ряд, собранный им, – главная нить спектакля, на нее все нанизывается.

Хореограф – Елена Романовских – создает для каждого его танцевальную партию, с каждым отдельно и со всеми вместе движения отработывает до мизинца – Лена работает с нами без устали. И каждый танец создает особый образ, помогает актеру быть выразительным, ярким, настоящим.

Художник – Маргарита Меркушева. С того момента, как она принесла эскизы, а затем и макет декораций, спектакль начал обретать свою плоть – он стал реальностью. Яркое и красочное полотно – таинственный свет, тонкая цветовая гамма витражей, трон старого короля, загадочные деревья – атмосфера сказки, таинства. И каждый костюм – точность силуэта, оттенков, деталей, чтобы актеру было легко и удобно играть.

Мы и играем, нам легко, весело и радостно – среди этой красоты и под такую музыку – говорить и переживать любовь, ревность, страх потери и счастье – когда все закончится хорошо!

Баба-Яга - Анна РАЯК

X Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе

...И ПОЗВАЛА СТРОКА ПОЭТА

*Лариса
МАНГУПЛИ,
писательница, журналистка, член литературного объединения «Анахну».
Живет в г. Хайфа, Израиль.*

„Мы будем счастливы, мой друг“. Строка, обычная коржавинская строка. Предполагали автор, обращаясь с нею из далекого Бостона к своему московскому другу, что спустя более полувека она станет заглавной в стихах любителей поэзии многих стран мира?

Она, эта строка, будоражила, волновала, примеряла на себя наши чувства. Искренни ли они, можем ли мы утверждать, что будем счастливы, и верим ли сами в это?

У каждого своя вера, своя надежда. С нею мы и связывали мечту о счастье, слагая стихи. В чем же счастье для тех, кто волею судеб оказался в эмиграции или репатрировался на свою историческую родину? Для тех, кто продолжает жить в стране, в которой родился и вырос, или кто своим домом считает весь Мир?

„Мы будем счастливы, мой друг“ -- звучало в нас и воплощалось в стихотворные строки. Лирические и не только. В них угадывалась надежда на то, что мир станет добрее, что люди начнут понимать друг друга, и тогда не будет на земле войн и распрей.

Мы -- это участники Десятого Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе. Финалы предшествующих турниров познакомили и сдружили своих участников. Посланцы разных стран планеты встречались в городе на берегах Рейна, а потом -- на страницах сборников. И вот -- последний турнир проекта, задуманного когда-то четой энтузиастов Галиной Педаховской и Рафаэлем Айзенштадтом. По традиции, финал турнира -- в Дюссельдорфе.

Середина мая в Израиле -- это знойное лето с давно отзеленевшими травами, с тремя теплыми морями и жаркими суховеями. Несколько часов в небе -- и мы на земле Германии, встречающей нас

колючим морозящим дождем, холодным ветром, но приветливыми улыбками устроителей праздника поэзии.

Впереди -- целая неделя другой жизни, в которой должно хватить места новым открытиям, впечатлениям, познаниям, знакомствам. Мы чувствуем и благодарно принимаем радушие хозяев и их желание поделиться с нами всем, что за долгие годы эмиграции полюбили сами. А о том, что осело на доньшке души и горьким вкусом порой напоминает об эмигрантских трудностях на пути к сегодняшней жизни, мы уже знаем из их авторских книг. Но эта часть их бытия, кажется, тонет в той любви к красоте, в которой они живут, к культуре, к музыке, живописи. И вместе с Галиной мы идем старыми улицами Дюссельдорфа. Слушаем ее неспешный рассказ об истории памятников архитектуры, о судьбах великих людей Германии, подарившей миру таких гениев, как Гейне, Гете, Бах, Моцарт, Шопенгауэр. Но вдруг эта феерия, это почти сказочное зрелище вмиг исчезает -- мы у здания Музея Холокоста, места, где собраны вещественные доказательства Катастрофы европейского еврейства.

Болью пронзает чувство горечи, обиды, скорби -- не выразить и не высказать всего, что живет в нас и будет жить еще во многих поколениях народа. Этого не простить и не забыть.

А новый день обещал и новые впечатления. На встречу с поэзией в Общинном еврейском Центре под сводами местной синагоги мы шли, взяв с собой только положительные эмоции, доброту и открытость. И умиротворение от общения с дивной природой Дюссельдорфа -- его чистым воздухом, легендарным Рейном, парками с их мелководными речками. И прудами, что стали местом обитания

водоплавающих птиц, где полными хозяевами чувствуют себя грациозные белые и черные лебеди.

Подобно взмаху лебединых крыльев взметались стихи с трибуны финала. Можно было поражаться, удивляться и радоваться полету фантазии поэтов, разнообразию выбранных ими тем, но связанных одной идеей – идеей утверждения веры в счастье. Несмотря ни на что. По-коржавински.

Если бы на финал съехались все участники турнира, то, пожалуй, одного дня не хватило бы, чтобы услышать все мысли и понять все чувства авторов, проникнуться их радостью и болью, пережить вместе с ними миг творческого вдохновения, родившего стихи. И где бы ни были они написаны – в самой Германии, в Израиле, в Соединенных Штатах Америки, в России, на Украине, – здесь, с этого поэтического Олимпа, стихи звучали на одном языке – русском. Это и роднило, и сближало нас. Чувство единения стало более ощутимым, когда после финала мы отдыхали в Оэрлингхаузене. Гостиница на краю этого небольшого городка, сохранившего свою чисто западную культуру, встретила нас радушием своих хозяев, домашним теплом и вкусными пирогами.

Первозданную тишину вокруг, охраняемую лесом дивной красоты, нарушал лишь редкий колокольный звон. В определенные часы он собирал нас за одним хлебосольным столом. А после трапезы мы вновь и вновь спешили к духовному общению. Оно как глоток свежего воздуха, придавало сил, уверенности, рождало новые идеи и темы. Пять дней и, можно сказать, почти все пять ночей под сводами залов этого дома звучали стихи, откровения, исповеди о порой трудной судьбе, но счастливой, потому что она, эта судьба, привела к творчеству, к поэзии. Стихи многих участников этого поэтического форума положены на музыку. Мы слушали песни, записанные на диски, пели сами, делились творческими планами, и казалось, не будет конца этим встречам.

Думаю, никому из нас не забыть тех памятных вечеров в уютном каминном зале. Тепло шло не только от потрескивающих поленьев, отблесков пламени на картинах и наших лицах, от мягких фортепьянных звуков и аккордов гитарных струн, но и от наших сердец тоже. За плечами, кажется, не было десятков прожитых лет – пелось и плясалось как в юности. И мечталось.

Новые впечатления выливались в стихотворные строчки. Ну, разве могла, например, не взволновать встреча с природой, когда в нескольких шагах от тебя, застыв на мгновение, пара испуганных ланей устремляется в свой лесной мир? Или когда, что называется на глазах, оживает легенда, связанная с историей города Хамельн? Как ребенок, ждешь

Жюри турнира

появления этой сказки. И под бой часов она приходит к тебе из далекого прошлого в образе известного персонажа, избавившего город от нашествия крыс. Отворяются ставенки – и ты уже в механическом кукольном театре. Эту известную историю о Крысолове можно было вновь пережить на концертной площадке в городском парке. Мюзикл сопровождался массовым гуляньем с угощениями и подарками.

Конечно же, не только поэзией мы жили эти пять дней. Семинары и презентации только что вышедших книг, дискуссии на политические и экономические темы, лекции, экскурсии, демонстрации кинофильмов гармонично вплелись в программу турнира.

Например, надолго останется в памяти поездка в город Кассель с его символом – девятиметровой скульптурой Геракла, установленной на 30-метровой каменной пирамиде. А пирамида эта венчает восьмиугольное здание дворца примерно такой же высоты. Ах, эти каскады фонтанов! Ах, этот загадочный мир замков, надежно хранящий тайны давно ушедших веков!.. И незабываемы впечатления о посещении картинной галереи, собравшей шедевры мировой живописи.

Последним днем пребывания в Германии был день, проведенный в Дюссельдорфе. И он также не прошел бесследно. Мы стали участниками праздника – Фестиваля джазовой музыки, который, по традиции, проводится здесь ежегодно и собирает многотысячных слушателей. Побывав в этот вечер на нескольких концертных площадках города, мы окунулись в чарующий и неповторимый, вечно волнующий мир джаза.

Вот на такой высокой ноте мы расставались и с Германией, и друг с другом. Уезжали с чувством радости за тех, кто в творчестве достиг своего Олимпа.

Наша литературная студия „Анахну“ известна участникам всех десяти международных поэтических турниров. И на десятом, юбилейном, она вновь заявила о себе как о коллективе, в котором немало талантливых поэтов. Не в первый раз олимпийским призером стала, например, Евгения Босина, получив высшую награду – веселый символ турнира „Лягас“ (по аналогии с Пегасом -- крылатым конем, любимцем муз).

Наша лягушка (в известной притче, попав в бидон со сметаной, не сдалась, а своими прыжками взбив ее в масло, выбралась-таки на свободу) тоже с крыльями. Как символ преодоления трудностей эмиграции, вдохновения и окрыленности мечтой.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ И ЭНТУЗИАЗМ

«Мы будем счастливы, мой друг» – таков был лейтмотив X Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе, на закрытие которого мы были приглашены.

Мы с женой перелетели океан, оглядываясь на извержение Эйяфьятлайокудля, и благополучно приземлились в Дюссельдорфе. Что же нас туда так уж потянуло в не очень простой по многим причинам полет из США в Германию?

-- Послушай, -- сказала жена, -- нас приглашают искренне. Эта встреча должна быть какой-то необычной.

Мне тоже так чувствовалось. Приглашение было от организаторов турнира Галины Педаховской и Рафаэля Айзенштадта. И сразу скажу, что мы не ошиблись. Встреча действительно была необычной. Вся обстановка, начиная с финала турнира в помещении Еврейской общины, а потом действие в почти сказочной избушке (пусть мне простят это некоторое преувеличение) на краю леса, поездка в Гамельн к таинственному Крысолову, продолжившему нашу сказку, а дальше прогулки между памятниками и скульптурами Дюссельдорфа под аккомпанемент Джазового фестиваля, все это, заряженное удивительным энтузиазмом и редкой доброжелательностью Галины и Рафаэля.

Удивительно то, что, встретив так много совершенно незнакомых людей, мы почувствовали их близость. Уже потом, когда вернулись к себе в США, мы сказали друг другу, что очень многие, если бы они жили с нами в одном городе, стали бы нашими друзьями. Вот написал так и подумал: даже если мы с ними никогда больше не встретимся, все равно это наши друзья, и из Дюссельдорфа, из Хайфы, Ганновера, из Ашдода, Калининграда и из других городов.

Призером турнира стала поэт и переводчик Ирина Явчуновская, лауреатами -- поэт и прозаик, руководитель студии „Анахну“ Марк Тверской, поэты Григорий Гозман и Абрам Эленбоген.

Отрадно, что в Международном турнире приняли участие многие израильтяне, среди которых призеры -- Любовь Знаковская и Марк Луцкий. Список лауреатов дополнили Фредди Зорин и Роман Островский.

Расставаясь, мы не прощались друг с другом. Мы говорили: „До новых встреч!“. Но теперь -- в другой стране. Германия передала Израилю своеобразную эстафету турнира. Счастливого ему пути и новых, восточных красок!

Итак, мы вернулись в Сент-Луис. Несмотря на то, что в нашем городе есть свои поэты и писатели, объединяющего их центра нет. Но есть Клуб книголюбов и Музыкально-литературный салон, где участники отдают дань известным писателям, композиторам, конечно, бывают и творческие импровизации.

И на очередной встрече клуба нас попросили рассказать о нашей поездке. Наш рассказ был встречен с теплотой и белой завистью. И впервые в клубе несколько участников прочитали свои стихи.

Да, мы были счастливы!

Спасибо вам, друзья!

*Алла и Александр Кузнецовы,
Сент-Луис, США*

**„Родители-основатели“ турнира
Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ и
Галина ПЕДАХОВСКАЯ**

„МЫ БУДЕМ СЧАСТЛИВЫ, МОЙ ДРУГ!“

**Валентина
КАЙЛЬ,**

преподаватель истории, основ государства и права. Приехала в Германию из Казахстана в 1993 году, живет в городе Лемго. Сотрудничает с русскоязычной прессой, публикует очерки и рассказы о переселенцах. Автор трех поэтических сборников. Член «Литературного общества немцев из России».

В городе Дюссельдорфе, столице Земли Северный Рейн-Вестфалия, 16 мая 2010 года состоялся Десятый Международный поэтический турнир, организованный Дюссельдорфским клубом «Neue Zeiten». Состязание поэтов оставило яркое, незабываемое впечатление! Хочется поделиться своим восторгом и хотя бы коротко рассказать об этом замечательном творческом событии в моей жизни, поскольку в таком большом и ответственном Литературном конкурсе я принимала участие впервые.

Весенний, словно по заказу, солнечный день создавал праздничное настроение. А светлый, уютный зал Jüdische Gemeinde, что находится на улице Zietenstrasse, был в этот день наполнен гостями, съехавшимися на поэтический турнир не только из разных городов Германии, но и из других стран: России, Латвии, Украины, Израиля, Америки... У входа в актовЫй зал поэты, участники конкурса, проходили регистрацию. Здесь же находилась выставка книг, где можно было приобрести сборники многих авторов, а также – шуточный коллаж с фотографиями участников этого поэтического турнира.

Поэтические турниры стары как мир! Наверное, в древности поэты Греции, Рима, Японии в ожидании начала соревнований в высоком слого испытывали такой же драйв и приток адреналина, какой ощущали мы, авторы стихотворений, представленных на конкурс. Все находились в приподнятом и немного возбужденном состоянии. Переживали перед предстоящим выступлением! Волновалась и я: не каждый день встретишься с таким количеством уже известных поэтов, да еще и вступишь с ними в борьбу за первенство на поэтической ниве! Не каждый день увидишь друзей, живущих в разных уголках мира, обретенных во время предыдущих литературных встреч.

Каждый Дюссельдорфский поэтический турнир проходил под своим девизом. В этот раз вдохновителем для написания стихов являлась строка «Мы будем счастливы, мой друг!», взятая из стихотворения русского поэта Наума Коржавина

«Письмо в Москву». Десятый Международный поэтический турнир подарил нам всем радость встречи, и это уже было счастьем! Это был настоящий праздник торжества русского поэтического языка. Здесь каждый автор имел возможность индивидуального самовыражения, выдавая на суд зрителей и компетентного жюри свои творения. Каждый хотел донести что-то личное, святое.

Один за другим на помост поднимались авторы конкурсных произведений. Зал замирал в ожидании чудес! Чтецы волновались. Кое-кого подводил капризный микрофон. И все же каждая строфа была отчетливо слышна в зале, и мы ревностно вслушивались в суть читаемых произведений. А в них было все: и огонь желаний, и игра страстей, и радужность красок, и тоска разочарований! Каждый конкурсант стремился выплеснуть душу, блеснуть поэтическим слогом, удивить соратников по перу необычным сюжетом, удачной метафорой. И казалось, что солнцем, ветром и звездами падали с неба строчки поэтов, проникая в душу и вызывая восторг!

В перерывах между выступлениями состоялся концерт. Звучали песни в исполнении эстрадного дуэта. А также с замечательным исполнением русских романсов перед зрителями выступил и наш германский талантливый поэт Феликс Зигельбаум.

Была проведена лотерея, и везунчики получили свои призы! А потом наступил самый волнующий момент Десятого Международного поэтического турнира: были объявлены имена победителей — олимпийцев, призеров и лауреатов, отобранных из числа всех претендентов строгим жюри. Под одобрительные аплодисменты зала победителям были вручены премии и дипломы. Приятно, что в числе тех, кто достиг Олимпа, оказались и мои знакомые русскоязычные поэты из Германии: Александр Танин, Михаил Давыдов, Анна Шаф.

От души поздравляю друзей!

Программа мероприятия завершилась праздничным ужином в ресторане, куда радушные хозяева пригласили всех своих гостей.

ВСПОМИНАЙТЕ...

**Юрий
ГЕРШКОВИЧ,**
*родился в Самаре, там же
окончил институт. Работал
на Волжском автомобильном
заводе в Тольятти началь-
ником отдела систем управле-
ния. В 2003 году переехал в
Германию, живет в Потсдаме.
Член литературно-художес-
твенной мастерской «Потсдам».*

В короткой заметке не выразишь всех ярких чувств, охватывающих душу во время таких возвышенных литературных мероприятий. И мы все, кто принимал участие в Десятом Международном поэтическом турнире, сердечно благодарны тем, кто занимался его подготовкой и организацией проведения. Хочется сказать отдельное огромное спасибо его идейным вдохновителям и организаторам (бессменным руководителям всех десяти дюссельдорфских поэтических состязаний!) – Президенту турнира Рафаэлю Айзенштадту и его очаровательной супруге Галине Педаховской. Сколько терпения, выдержки, культуры и человеколюбия в этой супружеской паре, в этом замечательном неугомонном творческом союзе!

Подумать только: сколько им пришлось приложить моральных и физических усилий, чтобы арендовать помещение, найти спонсоров, собрать огромную аудиторию, подготовить и регламентировать проведение праздника русской поэтики, встретить и разместить гостей не только из разных уголков Германии, но и из Зарубежья! И всем оказать внимание, каждому найти доброе, напутственное одобряющее слово! Я преклоняюсь перед этими людьми. Дай Бог им здоровья и счастья в жизни! Недаром же девизом нашего турнира была строка «Мы будем счастливы, мой друг!». Верю, что этот турнир не последний, и мы будем счастливы встретиться вновь.

Низкий Вам земной поклон, Галина и Рафаэль!
Спасибо Вам огромное за то, что Вы есть!

**С оргкомитетом
поэтического турнира
Вы можете связаться по телефону:
+49(0)211352240**

Вспоминайте седой Дюссельдорф,
Что погодой нас встретил недоброй,
Вспоминайте изысканность строф,
От которых сжимается горло,
В Оэрлингхаузене прогулки,
И душевные разговоры,
И интимность пустых переулков,
И внизу разноцветье просторов.

Вспоминайте тепло посиделок
У огня, что плясал за стеклом.
Вспоминайте летающих белок
Меж деревьями за окном.
Вспоминайте не только дожди,
Что в окно барабанили дробно,
Вспоминайте весёлые дни
В Оэрлингхаузене подробно.
Вспоминайте душевные песни
Под гитару и под клавиш...
Я уверен, когда-нибудь вместе
Соберёмся на новый турнир!

Коллектив „Наш театр“
благодарит
профессора Софи ТАХАЛОВУ и
общество Lebensfreude e.V
за финансовую поддержку „Нашего театра“
и помощь в процессе его становления.

Галина

АГАРОНОВА,

член Союза писателей Израиля, литературный критик. Автор пяти книг поэзии, прозы, публицистики. Публикуется в израильской периодической печати, а также в Америке, Дании, Германии, России, на Кавказе.

Живет в Ашдоде.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФИЗИОНОМИЯ ЭПОХИ „НЕ ХОЧУ!“

*Когда прародители бежали из рая,
Адам, вероятно, сказал Еве: «Дорогая,
нам выпало жить в переходный период».*

Уильям Индж, Н-ский священник.

*Никогда не знаешь, в какое время живешь:
все еще послевоенное или уже предвоенное.*

Роже Пейрефит, французский писатель.

Филолог с университетским образованием, бывшая одесситка Галина Педаховская, ныне проживающая в Германии в городе Дюссельдорфе, выпустила книгу «Ночь в Амстердаме».

Фабула этого произведения воспроизводит обычное настроение проживающих в Германии эмигрантов из СССР. Сменилась атрибутика так называемого социалистического образа жизни, но не изменился общий статус человека, существа любознательного, стремящегося изведать мира дальний горизонт. Популярны в сегодняшней Германии автобусные экскурсионные поездки в разные европейские страны, благо, поездки безвизовые.

...Автобус с новыми гражданами Дюссельдорфа приближается к голландской границе. Путешественников поражает раблезианское изобилие. Всего слишком много. Про себя каждый замечает: дескать, если между радостным восприятием жизни и самой жизнью нет нестыковки, нет зазора, то ничто не может вредить человеку. «Это была субботняя жизнь – вся открытая напоказ для всех – свидетельство благополучия». Экскурсант мысленно добавляет: «Да это же заявка на будущее!»

...Нежащая душу буколика сменилась ультрасовременными домами-кристаллами из тонированного стекла. Здесь это архитектурная рутина; для нашего эмигранта – тонизирующий напиток, эмоциональный всплеск.

Автобиографическая героиня утверждает, что на узнавание всего этого можно потратить жизнь, а «у нас всего один день на Рембрандта, Ван Гога... Петра

Первого... Золотого квартала et cetera. «Нет времени прилипнуть душой» бывшим жителям Москвы, Киева, Одессы.

Отметая шелуху повседневности, автобус с русскими эмигрантами продвигался вперед, в еще неизвестное. Но вот достопримечательности примелькались. И в это время у экскурсантов сомнамбулически вспыхивают в памяти фрагменты советской жизни. Они, как назойливый мотив, прерывают очарование, которое дарит им путешествие по Голландии: в сознании страдальчески мелькает пережитое «там и тогда», осточертевшее, как битые для остротки, но безысходное: «Восстановление ленинских норм жизни», «ГКЧП», «Вперед – к сияющим вершинам». Трудно остановить поток этих мучительных воспоминаний. Будут ли грядущие поколения, как наши простодушные деды, вновь настаивать: «Пора брать в руки вокзал, банк и телеграф!»

Ну, допустим, мы повзрослели; мы, с умиленной улыбкой пережившие безысходность «развитого социализма», мы, верившие в честную значимость произнесенного слова. А чего стоила такая оценка нашей работы, которая признавалась «идеологически невыдержанной»? Мы были «лишними людьми», поскольку формула «социалистический гуманизм» была извращена понятием, качественно резко отличающимся от гуманизма вообще, направленного к освобождению человеческой личности от идейного застоя и демагогии.

Героиня вспоминает, что, будучи преподавателем литературы в университете, она принуждена была лгать своим слушателям, указывая им иллюзорную дорогу к «светлому будущему». И в такой обстановке приходилось говорить и повторять непрерываемое, как догма, выражение «преемственность поколений» вместо того, чтобы относиться с иронией к этой самой так называемой преемственности. Ведь честному преподавателю хочется остаться в памяти своих учеников мыслящим, интересным человеком.

Исчезла непосредственность, открытость, в глазах поселилась настороженность.

Вот мысль, которая приходит в голову героине, уже походив осматривающей экскурсионные объекты Голландии: «Некая разрешенная свобода телодвижений вовсе не предусматривает полет свободного духа, а наоборот – отягощает приземленностью своих реалий. Какая уж здесь пресмысленность? Впереди был тупик».

Перед глазами героини проходят картины бесконечных очередей за молоком, антисемитские скандалы, образы злых от своей несчастливости и обездоленности людей, страх, растерянность. А в это время нас призывают «сплотиться» – этакое слово-паразит из советской фразеологии. «Не хочу, не хочу!» – твердит про себя героиня. Но за парадным фасадом приходится скрывать свои мысли и стремления.

...Меж тем автобус с экскурсантами-эмигрантами подъехал к старой церкви, в которой похоронена Саския. Гид провозглашает: «Добро пожаловать в самый веселый, самый свободный город Европы».

Но... мы уже живем в свободном мире – и что же? Жизнь разбросала друзей по разным континентам свободного мира. И теперь страшно подумать, не то, что спросить: «Чувствуете себя, дорогие, свободными?» Возможно, верно старое утверждение, гласящее: «Германия – не страна для эмиграции».

А экскурсия шла своим чередом. Экскурсанты побывали в Музее мадам Тюссо, отметили день рождения королевы Юлианы, побывали в португальской синагоге. Какие высокие потолки, какое пространство!.. Но экскурсия проходила как-то мимо героини, она снова и снова окуналась в наводящие грусть воспоминания.

Но вы еще не видели квартал «красных фонарей», знаменитый в Амстердаме... Стало холодно, тихо и одиноко. А улицы чисто вымыты. Но интересны были лишь автобиографические сведения с глубокой ретроспективой – скажет иной читатель об этом произведении. Нельзя, однако, не заметить, что заданная в произведении линейная композиция в своем свободном развитии породила «инородное тело» – ретросюжеты, контрастирующие с непосредственным восприятием окружающего мира, некогда заплеванного советской пропагандой. При этом все же автор не гнушается скептически взирать на мнимую идиллию Европы.

Аналитическая острота ума Галины Педаховской охватывает ее страстью понять свою душу, достичь глубины ее. Лишь одержимая страстным желанием вмешаться в общий поток жизни, она совершает вояж из Германии в Голландию, она человек чистого сердца и глубоких страстей. Благодаря монологическому повествованию Г.Педаховская создает повесть, ставшую поэзией. Эта повесть – вопль страдания,

вырванный из груди героини, как вопль эпохи. Какое это ненормальное, нездоровое состояние, когда страна, в которой ты родился, становится ужасающе чужой. Какая это психологическая травма! Внутренняя усталость и скепсис бродят по страницам повести. Задушевность, откровенный душевный мир героини и персонажей произведения раскрываются лаконичными средствами, но с необычайной полнотой. Это то, что немцы обозначают словом «Innerlichkeit» – сокровенная задумчивость. Силою природного воображения и художественной выразительности писательница запечатлела в памяти читателей яркие и разнообразные представления о человеческой душе. Повесть знакомит нас с особенностями мышления эмигрантов-евреев, проживающих ныне в Германии. Постепенно в эпизодах раскрывается характер героини. Мрачные факты советского быта, напряженные обстоятельства сегодняшней жизни открыли героине патетическую и драматическую глубину и реальность переезда из СССР в Германию. Писательница запечатлела многое из того, что видела и частью чего являлась.

Избегая громких восклицаний, автор доводит свою мысль до логического конца. Она хочет, как сказал бы Герберт Уэллс, «понять весь жалкий план Вселенной». Она задается вопросом: можно ли внести в реальную жизнь романтическую струю, не рискуя столкнуться с опасностью и разочарованиями. Ведь человеку следует распознать и ловить проблески света, озаряющие его душу изнутри. А мы порой равнодушно даем угаснуть нашим мыслям потому, что эти мысли нам самим пришли в голову. Нельзя положить никаких пределов широте горизонта. Нет сердца, которое не откликнулось бы на зов этой струны.

Исходная точка повести внутри, а движение осуществляется вовне.

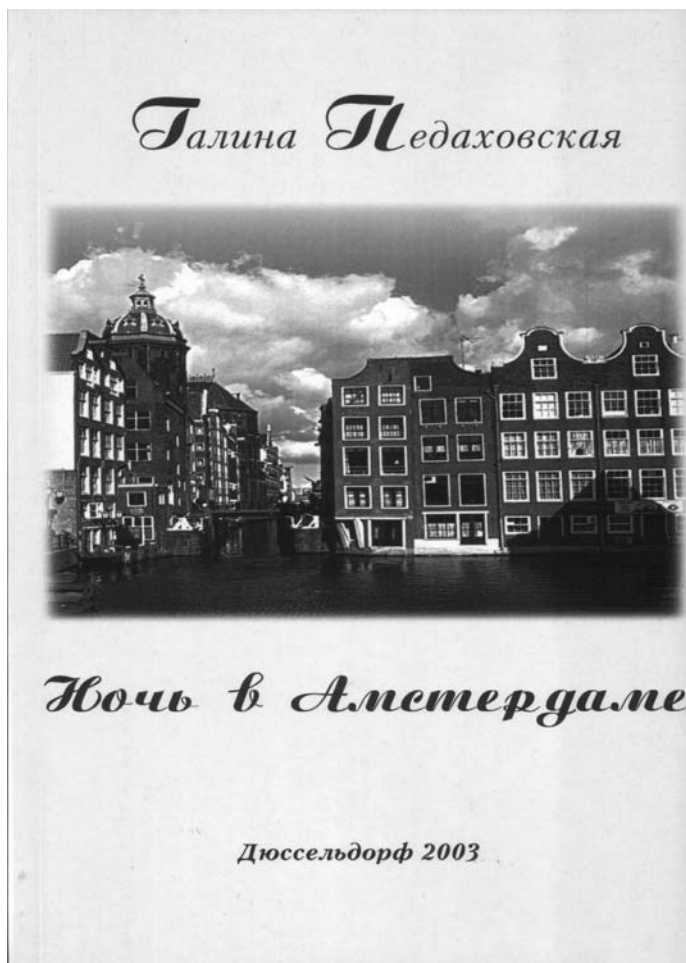
Какая мораль логически вытекает из самой повести? Ответу на этот вопрос так: мораль диктуется художественной концепцией. Мастерство – это когда «что?» и «как?» приходят одновременно. Именно так, не переводя дыхания, написана «Ночь в Амстердаме» – художественная «физиономия» эпохи глазами эмигранта. Фабульный калейдоскоп картин и событий в ходе рутинной экскурсионной поездки проживающих в Германии эмигрантов из канувшего в Лету СССР по маршруту Дюссельдорф – Амстердам, в отличие от ситуационных эмоций и эффектов, создает такое настроение-образ в контексте общих жизненных интересов и ожиданий.

Над «русскими» путешественниками довлеет устойчивое психическое состояние, когда бессознательные реминисценция и ретроспективный взгляд (обращенный к прошлому, посвященный рассматриванию прошлого)

господствуют над тем, что зрение и слух воспринимают благодаря движению – царицы всех путешествий. И такая влекущая сила овладевает экскурсантами, что зачарованные голоса гидов нередко тонут в омуте воспоминаний слушателей. Такой эффект осуществляется посредством нарочитого введения, казалось бы, внесюжетных компонентов («предыстория», «междуистория», автобиографические отступления). В действительности они довлеют над линейной фабулой произведения. Так автор через ассоциирование стимулов и реакций проникает в психологические истоки самоощущения экскурсантов.

В повести настроение-образ переживается как идентифицируемое состояние ретро-подавленности, ретро-неустойчивости, ретро-тревоги. Это массовидное явление общественного настроения эмигрантов. Автор проникает в психологические истоки и психологические механизмы их ретроактивности во время странствия по Европе. Типология текста находится в зависимости от его функционального изменения. А личная инициатива автора-рассказчика стала важной как в духовно-творческом плане, так и в собственно-стилеобразующем факторе.

Читая эту повесть, я испытывала восхитительную свежесть чувств, как ребенок, для которого все вновь.

Советы профессора Софи ТАХАЛОВОЙ

Ограничьте потребление говядины, баранины и свинины до трех раз в неделю.

Отдавайте предпочтение не говядине, баранине или свинине, а рыбе и цыплятам.

Ограничьте употребление приправ к салатам и других жиров. Чем меньше вы будете их употреблять, тем лучше.

Готовьте пищу на пару, запекайте, варите, но только не жарьте.

Ешьте много свежих фруктов.

Ограничьте употребление яиц и твердых сыров.

Ограничьте или полностью исключите потребление кофеина, который содержится в чае, самого кофе, какао, колы и других подобных напитков.

Ограничьте свое потребление алкоголя.

Ограничьте использование сахара и соли.

Ни в коем случае не пере едайте.

Обязательно съедайте хороший завтрак, который может состоять из блюд, богатых протеином, которые смогут обеспечить медленное высвобождение энергии в вашем организме в течение всего дня. Избегайте засахаренных или сушеных фруктов. Целые фрукты предпочтительнее фруктового сока, поскольку содержат волокна. Однако, от 90 до 120 граммов разведенного, неосветленного, свежего, натурального фруктового или овощного сока предпочтительнее, чем суррогат кофе или травяной чай.

Избегайте рафинированных или обработанных продуктов, содержащих белый сахар или белую муку. Ограничьте потребление консервированных или упакованных продуктов, жареных или соленых орехов, конфет, шоколада, обильного десерта, мороженого, джемов, желе, варенья, кондитерских изделий, жареных пирожков и тому подобных вещей.

И бросьте курить.

*Мария
ПЛИСС,*

родилась в Ленинграде, окончила Финансово-экономический институт, кандидат экономических наук. Все свободное время отдавала изучению истории искусства и литературы. Приехав в 1997 году в Германию, всецело посвятила себя вопросам связи культур России и Германии. М.Плисс – автор книги «В поисках незнакомки», пьес об А. Блоке и М.Горьком, литературных композиций об А.Чехове, В.Маяковском, Вольтере. Ее статьи и очерки регулярно публикуются на страницах журналов «Партнер» и «Оазис», газеты „Neue Zeiten“.

ФРЕДЕРИК ШОПЕН И ЖОРЖ САНД

Еще одна история любви...

Снимите шляпы, господа! Перед вами гений!
Роберт Шуман

Френц Лист познакомил Шопена с Жорж Санд. Было это в Париже в 1837 году. Ей – 32 года, ему – 27. Трудно себе представить более противоположных людей, чем эта пара. Шопен, как писал Лист, был женщиной в натуре – очаровательный и слабый. Она – мужчина, сильная и энергичная. Шопен жил в фантастическом мире поэзии и музыки. Он благоговел перед тонкими оттенками благовоспитанности. С первого концерта, данного им в 1830 году по приезде из Варшавы в Париж, по рекомендации польского магната Радзивилла в доме Ротшильда, молодой музыкант имел колоссальный успех. Пригласить его в дом, предложить ему выступить, стать его учеником – честь в этой среде. Он весел, остроумен, обожает роскошь, одевается франтом, у него чарующая грация. Его любят дамы, и он не любит опускаться в реальный мир жизни.

И вот ирония судьбы – полюбил женщину, известную в демократической среде писательницу Жорж Санд (настоящая фамилия – Аврора Дюваль), которая давно уже оставила мужа, шокировав публику, порой носила мужской брючный костюм (первая в Европе!). Она – натура деятельная, любила жизнь во всех ее проявлениях, проповедовала в жизни и творчестве идеи свободной любви, бунтарский романтизм. Она притянула к себе Шопена какой-то болезненной силой. Он стал ее третьим ребенком. В период уныния, так часто свойственного его чувствительной натуре, искал у нее помощи. Она умела его успокоить, ободрить, вдохновить к творчеству.

«Я не находилась под иллюзией страсти. Я любила артиста материнской любовью», – признавалась она.

Ее окружали великие романтики той эпохи: Бальзак, Дюма, Альфред де Мюссе, Берлиоз, Мендельсон, Лист, Делакруа, Луи Блан, Гейне. Все они стали поклонниками Шопена. А он чувствовал себя не в своей среде – много шума, громких споров.

Его тянуло в уже привычный мир аристократии. Любовь к Жорж Санд примирила его на время с этим артистическим миром. Жорж Санд умела сделать его героем вечера, вызвать восторг от его музыки, игры, от виртуозности его «бархатных пальцев».

Генрих Гейне, искренне любивший Фредерика, говорил о влиянии на него трех культур: «Польша дала ему свой рыцарский дух и историческую скорбь; Франция – свою легкую грацию и привлекательность; Германия – свою романтическую глубину».

Фредерик Шопен родился в 1810 году в селе Железна Воля, что под Варшавой. Отец – француз из Лотарингии, мать – полька. В музыке композитора превалирует польский национальный колорит, не по форме передачи народных мелодий, а по духу, по поэтичности. Общий тон его произведений мучительно грустный. Он сам определил его польским словом „zal“, наверное, это соответствует русским «жалость», «грусть», «тоска».

Шопен тяжело переживал последствия восстания в Польше в 1830 году, всегда щедро помогал своим соотечественникам, оказавшимся в изгнании. При всей любви к родине, ему чужда национальная ненависть и жажда мести. Он даже избегал слабости продемонстрировать перстень с большим бриллиантом – подарок Александра I, восхищенного исполнительским мастерством пятнадцатилетнего юноши.

Шопен не писал ни опер, ни симфоний, ни балетов. Все, им созданное, – для фортепиано, за исключением нескольких концертов с участием еще скрипки и виолончели. Его полонезы, мазурки, вальсы наполнены глубоким, искренним духовным содержанием, как и самостоятельно завершенные скерцо, этюды, ноктюрны. Мелодичность и неповторимость его музыки вызывает эмоциональный восторг, сопереживание слушателей.

Мне посчастливилось слушать прекрасных исполнителей Шопена: Л.Оборина, Э.Гиллельса, В.Сафроницкого, Т.Николаеву, молодого Е.Кисина; здесь, в Германии, – профессора Эссенской консерватории Бориса Блоха и Владимира Могилевского. Последний, кстати, утверждает, что Шопена надо играть «на разрыв аорты», даже если исполняешь мазурку, настолько она наполнена переживанием.

А самому Шопену такая неистовость не была свойственна. Да, он начинал как пианист-виртуоз, но играл нежно, даже тихо. У него не было в игре могучей силы, резких, ярких эффектов. Он был артистом для немногих, для избранных, кому по душе изящество и поэтичность его игры. Толпа смущала его, парализовала. Потому в двадцать пять лет он почти отказался от больших концертов, от карьеры виртуоза.

Десять лет совместной счастливой жизни композитора с Жорж Санд – годы возвышенного, плодотворного творчества, все самое значимое создано в это время, жили ли они на Майорке или в поместье писательницы в Ноане, где проводили лето. Здесь укрепился он физически (с детства страдал предрасположенностью к болезни легких), становился весел, любил играть с детьми Санд, особенно с дочерью Соланж. В доме часто бывали Лист с графиней д'Ану – матерью его троих детей, в том числе и дочери Казимы – впоследствии женой Вагнера. Приезжали супруги Виардо – Полина и Поль – с их русским другом Иваном Тургеневым. Порой выносили рояль на террасу. Лист и Шопен аккомпанировали Полине Виардо, и чарующая музыка в прекрасном исполнении отзывалась эхом. Вызывали восторг импровизации Шопена, порой на заданную тему, особенно вариации на тему «Дон Жуана» Моцарта.

Когда слушаешь музыку Шопена, возникает впечатление, что она создавалась легко, мимолетно. Но Жорж Санд свидетельствует, что часто музыка рождалась во время прогулок, от какого-то душевного порыва. А далее мучительная работа – переносил на нотный лист возникшую тему, множество раз перечеркивал, переписывал, ломая перья, вносил новые оттенки и так порой бился недели. Иногда от внутреннего бессилия приходила и физическая слабость, он никого не подпускал к себе, из комнаты доносились рыдания.

Часто в итоге он возвращался к теме, первоначально возникшей.

Все, созданное им, издавалось. Хорошо расходилось. Современники признали его необычную гениальность. Первыми лучшими исполнителями музыки были женщины – пианистки Мария Шимановская и Клара Шуман. Зимой в Париже Шопен давал уроки музыки. Как преподаватель был очень требователен, не считаясь с тем, что ученики в основном принадлежали к аристократическому кругу. Его преподавательское кредо – играть, как чувствуешь.

В музыке Шопен изливал свою душу, весь свой внутренний мир. Во всех его маленьких шедеврах, казалось бы, в танцевальных темах – огромный накал страстей, искренность, чистота его души. Потому и сегодня Шопен – один из самых любимых и исполняемых композиторов.

Шопен написал сорок одну мазурку и восемь полонезов. Полонез – танец королей и рыцарей, в нем присутствует родное, польское национальное звучание. Особенно это проявилось в „Польской фантазии (ор.61)“. Сколько в нем красоты, величия, отчаянного рыдания, скорби о трагедии Польши. Апофеозом этой темы стала Соната В-moll со знаменитым траурным маршем!

А его вальсы? По своей элегантности их можно, пожалуй, отнести к салонной музыке. Один из прелестнейших и любимых самим Шопеном вальсов – *Valse du Petit chien*, написанный в честь собачки Жорж Санд.

Жорж Санд любила музыку своего друга, преклонялась перед его талантом. А он стоял в стороне от ее творчества, даже некоторые романы, которыми зачитывалась вся Европа, он не спешил прочесть. Он был далек от ее духовной жизни, но к себе требовал неизменного внимания. Очень близкий ему философ Пьер Леру вспоминал, как капризен бывал Шопен во время болезни. Из милого, обаятельного он превращался в ипохондрика. Жорж Санд долгие годы терпеливо и самоотверженно обихаживала его – «всемогущего больного», как он сам говорил о себе. Женщина, у которой было свое дело – литературное творчество, свои семейные заботы – проблемы с детьми, на какой-то момент устала быть постоянной сиделкой. Возникли разногласия, ссоры. У нее появились новые увлечения, он ревновал. Они начали отдаляться друг от друга. В итоге – разрыв, оказавшийся губительным для Шопена.

В 1848 году он удалился в Лондон, возобновил концертную деятельность в аристократических кругах Англии. Появились поклонники и поклонницы, одна из них – Джейн Стирлинг, очень

богатая, из старинного шотландского рода, красивая женщина. Она не скрывала своего восхищения и любви, готова выйти за него замуж. Но никто не мог ему заменить Ее... Здоровье его расстраивалось, и ничего не сочинялось!

Он вернулся в Париж, в свою роскошно обставленную квартиру, к своему роялю. Надежда, что возвращение вернет его к жизни, не оправдалась. «Грудная» болезнь приняла серьезный характер, прибавилось нервное расстройство, бессонница. Прекратились уроки, иссякли деньги... Он уходил из жизни... Но этот капризный, слабый человек, так мучительно всегда боявшийся смерти, вел себя очень мужественно. Жорж Санд хотела его навестить (впервые после разрыва), но друзья воспрепятствовали, хотя он хотел ее видеть. Приехала старшая сестра из Польши. Она вместе с любимым учеником Шопена – Гутманом, уже известным пианистом и композитором, была около него до конца. Он ушел из жизни 16 октября 1849 года. Ему было тридцать девять лет.

На могиле Фредерика Шопена на кладбище Пер-Лашез в Париже (на фото внизу) установлен памятник по рисунку Делакруа – плачущая муза, у ног которой разбитая лира...

Александр
МАНИОВИЧ

„КИНО И НЕМЦЫ“

Берлинские размышления

Прилетевший из Америки приятель сразу же меня озадачил: «Надеюсь, ты мне покажешь театральный и киношный Берлин».

Уже привычно было показывать прусский Берлин и Берлин Третьего Рейха, русский Берлин 20-х годов и еврейский Берлин, показывать берлинский югенд-стиль и современный модерн, район нетрадиционной любви и многое другое, но чтоб «киношный»...

„Хочется побродить, – говорит Игорь, – по местам, связанным с жизнью в Берлине писателей, режиссеров, музыкантов, актеров и других, прославившихся в Голливуде. И прославивших Голливуд. Я перед отъездом заглянул в Интернет, привез тебе список более сорока человек, приехавших в 20–30-х годах из Берлина и состоявшихся в Голливуде или на театральном Бродвее. Почти вся музыка для фильмов того периода была написана немецкими композиторами. Берлинская колония в Голливуде была самой многочисленной. Эти деятели искусств вдохнули новую жизнь в застывшие голливудские схемы. Фриц Ланг даже по-своему снял несколько вестернов. Этот феномен не повторил никто из других стран. Так что давай побродим по Берлину Макса Рейнхардта и Марлен Дитрих, Бертольта Брехта и Билли Уайлдера, Фрица Ланга и Джозефа фон Штернберга. Не возражаешь? Вот тебе список.

В общем, как говорится, «кино и немцы». Ничего не поделаешь: «Желание гостя – закон!» Знакомлюсь с длинным списком, большинство имен мне совершенно неизвестны. Договариваемся остановиться на личностях, достигших мировой славы. И работавших не только в Голливуде. Режиссеры и сценаристы Макс Рейнхардт, Фриц Ланг, Эрнст Любич, Билли Уайлдер, писатели Владимир Набоков, Томас и Генрих Манн, Бертольт Брехт, Эрих Мария Ремарк, Альфред Деблин, Лион Фейхтвангер и Герхарт Гауптман, композиторы Курт Вайль, Имре Кальман и Арнольд Шенберг, актеры Марлен Дитрих, Эмиль Яннингс, Грета Гарбо, Марика Рекк, Зара Леандр, Елена Вайгель.

Поначалу я был немного обескуражен поставленной задачей, но вскоре необходимость более глубокого изучения Берлина начинает как-то радовать. Беру тайм-аут, иду в знаменитый книжный магазин «Дусман», где все книги доступны для чтения. Сиди на мягких диванах, читай ежедневно до десяти вечера. Листаю справочники адресов с прилагаемыми картами старого Берлина, узнаю адреса проживания и выступлений известных людей, места их захоронений. Это становится интересным.

Пару дней мы бродим по улицам и площадям Берлина, читаем мемориальные доски на театральных и концертных зданиях, заходим в помещения театров и парадные домов знаменитостей, бродим по двум кладбищам. Посещаем берлинский Музей кино. Едем в Бабельсберг, где на киностудии Universum Film (УФА) писалась история европейского кинематографа.

Ныне в Бабельсберге, германском Беверли-Хиллс, живут многие знаменитости киномира. В завершение в магазине «Eins, zwei, drei», названном в честь фильма Билли Уайлдера, приобретается традиционный берлинский сувенир – плюшевый Тедди фирмы «Штайф». В знак американо-германской дружбы – медведь-то наш, берлинский, но назван в честь президента Теодора Рузвельта.

Похоже, мой приятель насыщенным пребыванием в Берлине доволен, в последний вечер приглашает в бар, язвительно уточняя: «Не на немецкий счет...». Предлагаю на выбор зайти в Dietrichs Bistro или Bar Billy Wilder. Выбираем последний, сидим в окружении фотографий самого мэтра, Мэрилин Монро и Одри Хепберн, многих сцен из фильмов «Некоторые любят погорячее» (в нашем прокате – «В джазе только девушки»), «Квартира», «Бульвар Сансет», «Сабрина», «Айнс, цвай, драй». Фото мэтра, снятого у мемориальной доски дома на Viktoria-Luise-Platz, где он жил в Берлине в 30-х годах. Игорь предлагает выпить One Night in Bang-Cock. Возражаю: «Раз уж зашли «в гости к Билли», давай выпьем «погорячее» – джин Blaue Engel (чтоб не обидеть Марлен...). Пьем за «легенду Голливуда Билли, лучшего комедийного

режиссера всех времен». Впрочем, шестикратно оscarоносный Билли Уайлдер не только комедийный режиссер, он создал вестерны и крими. Его фильм «Свидетель обвинения» Агата Кристи признала единственным фильмом, достойным своего производства. Это Билли Уайлдер на радость всему мужскому миру поставил Мэрилин Монро на вентиляционную решетку сабвея и снял самую соблазнительную сцену в истории кино. В эти дни ему бы было 100 лет, он не дожил до них 5 лет.

– Игорь, сегодня, в последний вечер нашей берлинской «киносессии», можно подвести итог всему увиденному и услышанному за несколько дней.

– Так в чем же феномен германских сценаристов и режиссеров, актеров и музыкантов, заполонивших Голливуд? – спрашивает Игорь. – Ведь все они имели свою замечательную театральную школу и знаменитые театры, имели свой Голливуд – киностудию УФА в Бабельсберге. Пишется, что в проектировании и изготовлении декораций и костюмов, в постановке световых эффектов УФА в то время не имела себе равных. Германская киноиндустрия была ведущей в мире. Только в одном 1922 году Германия выпустила 650 фильмов – более, чем все вместе взятые европейские студии.

– Ты прав – на весь мир славилась Школа театрального искусства Макса Рейнхардта, который около 30-ти лет был главным режиссером «Дойче театр». Это он воспитал целую плеяду выдающихся деятелей кино – Эмиль Яннингс, Фридрих Мурнау, Эрнст Любич, Уильям Дитерле. Театральную школу Рейнхардта посещала Марлен Дитрих. Именно на УФА были сняты знаменитые «Голубой ангел» Джозефом фон Штернбергом и «Метрополис» Фрицем Лангом. Мне думается, секрет отъезда в Голливуд был, прежде всего, в таланте этих людей и притягательной динамичной атмосфере Голливуда, умеющего предоставлять лучшие возможности для реализации талантов. Но главным обстоятельством, конечно, была политическая обстановка в Германии. Все эти люди были прогрессивных политических взглядов, большинство из них были евреи. Эти люди были не просто германцами, они были немцами, австрийцами, швейцарцами, евреями, русскими, венграми, скандинавами... И Голливуд «скупал» все эти таланты. Первопроходцами в Голливуде стали Эрнст Любич и Пола Негри, это был 1929 год. В Германии того времени не все так было просто и однозначно. Эрих Мария Ремарк на квартире своей приятельницы – безработной актрисы Лени Рифеншталь написал «На Западном фронте без перемен». Через пять лет нацисты сжигают книги Ремарка (его фамилию нацисты произносили, читая

по-еврейски наоборот, – Крамер) и лишают его германского гражданства, а Лени Рифеншталь снимает «Триумф воли». Когда Геббельс вызвал Фрица Ланга и категорично предложил ему начать работать над нацистскими фильмами, Ланг на следующий день покинул Германию. А его жена-сценарист, горячий поклонник Гитлера, страну покинуть отказалась. Фриц Ланг в 1936 году стал основателем антинацистской лиги Голливуда.

– Из разговора с тобой я почувствовал, что ты поклонник «роковой мечты всех мужчин» – Марлен Дитрих. Как актрисы или ее артистичных ног?..

– Ты еще забыл добавить – «женщина-вамп». Да, я почитатель и актрисы, и ее артистичных ног, и ее низкого хриловато-томного голоса. И ее личности, хотя последнему мои знакомые удивляются. Марлен Дитрих – это Элиза Дулиттл Джозефа фон Штернберга. Он ее привез в Голливуд 28-летней и «сделал всю» – артистизм, речь, сценический образ, подачу внешности, сексуальность, жизнь в Америке и даже игру ног. И потеснил в Голливуде Грету Гарбо. Джозеф фон Штернберг, австрийский еврей, был разносторонне талантлив – актер, режиссер, сценарист, композитор, продюсер. Его называли «Леонардо камеры». Дитрих с большой теплотой пишет о нем в своих воспоминаниях «Возьмите только жизнь мою». Если не читал, обязательно прочти. Я был очень удивлен, увидев фамилию переводчицы книги на русский язык – Майя Кристалинская.

– Не та ли, что «А у нас во дворе есть девчонка одна»?

– Она самая. Какая у нее выдалась судьба! Авиационный институт, конструкторское бюро Яковлева, солистка джаз-оркестра Эдди Рознера. И переводчица, тяжело больная и облучаемая. Прочти воспоминания Дитрих, а затем прочти то, что написала ее дочь Мария Рива (ей ныне более 80-ти) в книге «Моя мать Марлен Дитрих». Там – анти-Дитрих. Написано, мягко говоря, без всякого милосердия к матери. Утверждается, что, прочтя книгу дочери, которую по своему очень любила, Дитрих скончалась.

– Это у нас: «Об умершем или хорошо, или ничего». В Америке и на Западе всегда было наоборот – об ушедшем из жизни правда, какой бы она ни была. Ныне для многих из нас это тоже уже стало привычным.

– Ты помнишь, как советских людей шокировал польский фильм «Все на продажу» о Збигневе Цибульском? В нем снялись обе жены актера. И еще – книга Марины Влади «Володя. Прерванный полет». Шокировала парижская эпатажность Сержа Гинзбурга (свой ведь, с одесскими корнями).

– Ты по-доброму относишься к личности Дитрих. А как же бесчисленные публикации о том, что она не блистала добродетелью? Бесчисленные мужчины и женщины? Бисексуальность? Фон Штернберг, Фербенкс, Гильберт, Купер, Ремарк, Габен, Синатра, Рильке, Джозеф Кеннеди, Хемингуэй, Хепберн, Гарбо, Пиаф, Денев, Керк Дуглас, Мерседес де Акосту...

– Игорь, пожалуйста, остановись, смакователей жареного и без нас хватает. Давай оставим для отдельного разговора обсуждение вопросов бисексуальности («Порок или болезнь?»), сексуальной свободы («Порок или мещанские предрассудки?») или притягательного эротизма. Как сказал по этому поводу Билли Уайлдер: «У всех свои недостатки...». Не будем дискутировать – считать ли Марлен Дитрих, надевшую брюки, мужской фрак и галстук, символом XX века? Все намного сложнее. Вскоре должна быть полностью опубликована ее переписка с Хемингуэем. Может, многое станет понятнее, как это происходит у эмоциональных творческих личностей. И как эти люди живут в своих постоянных «треугольниках» и «многогранниках». Хемингуэй как-то сказал о Дитрих: «Ее красота и очарование сочетаются с удивительными душевными качествами и блестящим умом». Хочу тебя спросить – как ты стал таким квалифицированным спецом по марленовским альковным делам?

– Так она ж, то ли для себя, то ли для истории, все вносила в записную книжку, которая осталась после ее смерти. И еще она завещала на церемонии своих похорон дать красные гвоздики тем, кто спал с ней, белые – тем, кто об этом врал. Чтоб «истина была напоказ».

– Обо всем этом пишется очень много, значительно меньше – об ее непримиримом антифашизме, смелых выступлениях под бомбежкой на передовой военных действий, широкой благотворительности, вызволении узников концлагерей, помощи беженцам в выезде из Европы и обустройстве их в Америке. Последние 13 лет жизни она была прикована к кровати (после перелома шейки бедра) в своей парижской квартире на авеню Монтель, где и предалась альковным воспоминаниям. В ее записной книжке прекрасная «коллекция», в которой нет ни одного «простого» имени, все имена – выдающиеся. Она обнаженно откровенна. Пишет о своих платонических отношениях с Рильке и Хемингуэем, и тут же: «Хэм умел по телефону не только раздеть, но и сделать все остальное. Да еще так, как мало кому удавалось даже во плоти».

– Игорь, вот и ты о «жареном»...

– Ну, это просто так. Цитата для любознательных.

И немалых любителей петтинга... Многие с нетерпением ждут 2022 года, когда обещано рассекречивание занимательной беседы Максимилиана Шелла с Дитрих (1983 г.).

В жизни Дитрих есть интересные моменты, связанные с Россией. Во время ГКЧП она обзванивала президентов европейских стран: «Мы должны его освободить!». И после своего освобождения Горбачев первой позвонил Дитрих. Приехав в Москву, она захотела встретиться со своим любимым писателем Константином Паустовским. И когда он поднялся к ней на сцену, она, опустившись перед ним на колени, начала целовать его руки. Недавно отмечалось 115 лет со дня рождения Константина Паустовского, и фотографии этой сцены многократно печатались в российской прессе.

– Ты же знаешь, что Дитрих многое делала напоказ. Она была актрисой и в жизни. Она ведь говорила, что из произведений Паустовского прочла лишь рассказ «Телеграмма», переведенный на немецкий язык и опубликованный в юношеском журнале. Так что, думается, сцена коленопреклонения перед автором в чем-то была задуманным ею спектаклем на Россию. Что же Марлен Дитрих для современной Германии? Ныне состоялось, наконец, примирение Германии с ней?

– И да, и нет. Когда она в 1992 году умерла, в течение десяти дней решался вопрос возможности ее захоронения в Берлине рядом с могилой матери, что было ее желанием. В день похорон в городе были раскуплены все цветы. Но транспаранты «Прости нас, Марлен! Спасибо за все!» были вместе с «Изменница Родины! Marlene, go home!» – плакатами тех, кто до сих пор не смог простить Дитрих ее антинацизм («Немцы и я больше не говорим на одном языке!»). Многим немцам трудно простить Дитрих ее участие в войне против Германии и награждение американской «Медалью Свободы». В Берлине были пятилетние споры о присвоении ее имени площади города. Только в 2001 году, отмечая столетие со дня рождения актрисы, официальные власти Берлина принесли извинения за «незаслуженное отношение» к ней. А в 2002 году, через десять лет после смерти, ей было присвоено звание «Почетный гражданин Берлина» в надежде, что это «станет символом примирения с ней, посланницей демократической, свободолобивой и человечной Германии». Все это происходило с именем Дитрих всего через несколько лет после ее смерти. А вот в отношении к имени полковника Клауса фон Штауффенберга, покушавшегося на Гитлера в 1944 году, то есть более полувека назад, расслоение общественного мнения и ныне.

– Свидетельствуют, что Гитлер так любил фильм «Голубой ангел», что даже закрывал глаза на то, что режиссер Йозеф фон Штернберг – еврей.

– С Дитрих вроде тайно встречался Рудольф Гесс, от имени Гитлера уговаривая ее вернуться в Германию. Мы с тобою прошли путь от Анхальтского вокзала до Вильгельмштрассе, по которому следовали в бывшую Императорскую канцелярию и Новую канцелярию Гитлера все официальные высокопоставленные гости Рейха. Гитлер обещал для проезда «Белокурой Венеры» этот путь застелить красной ковровой дорожкой. Но она была непреклонна в своем антинацизме. Капитан американской армии Марлен Дитрих вместе с войсками вошла в Аахен.

– Послушай, что это за тип, сидящий за соседним столиком и все время раздающий автографы?

– Пойду, узнаю у бармена. Коль он знаменит, придется и нам встать в очередь за его автографом. Это, оказывается, Сын Большой Медведицы, Зоркий Сокол Чингачгук. Газеты пишут, что на этой неделе Главный индеец Европы Гойко Митич отметил 70-летие. Сообщают, что он более 40 лет живет в Берлине, ни разу не был женат. Видать, не было времени, по деревьям прыгал все время...

– И делал это прекрасно, улюлюкая! Он и ныне очень красив и статен, смотри, сколько девиц стоят в очереди за автографом. По-моему, и сегодня его простенько-сюжетные фильмы более увлекательны, чем «Матрицы». Хочу тебя спросить про прекрасное по архитектуре здание берлинского театра «Метрополь». Я о нем заочно знал, оно герой многих воспоминаний. В последний раз я о нем читал в воспоминаниях Веры Кальман. Именно в «Метрополе» Имре Кальман «снял» танцовщицу Верочку Макинскую, нашу пермячку. Нам с тобой повезло – удалось зайти в помещение «Метрополя». Почему же он оказался переименованным, тем более, в «Гойя»? Ведь он же имел богатую историю, связанную с театральной жизнью Берлина.

– Да, у «Метрополя» богатейшая европейская театральная история. Кто там только не выступал! Даже Мата Хари соблазняла бюргерского зрителя. Там был знаменитый «Пролетарский театр» Эрвина Пискатора, состоялись многие премьеры оперетт и мюзиклов, ставших позднее классическими, родился театр-кабаре. Театральные историки пишут, что форму театра-кабаре как театрального спектакля создали еврейские авторы текстов и композиторы. В театре-кабаре исполнялись сцены из жизни берлинского общества, еврейских фабричных районов. В спектаклях постоянно присутствовали еврейский юмор и самоирония.

– А ныне?

– Да ты что? Сразу же будет обвинение в антисемитизме, чего так не желают в Германии. Сатирический, особенно политический, театр-кабаре очень популярен в Германии, его спектакли постоянно показывают по телевидению. Не будем злорадствовать, но судьба наказала инициаторов переоборудования и переименования театра «Метрополь». Его переделали в эксклюзивный ресторан-бар-дискотеку для избранных, объявили о распространении акций среди всех посетителей. И я, грешен, хотел их прикупить, скрыв от жены (она с советских времен очень не любит быть мелким акционером). Но не прошло и двух лет, как дискотека «Гойя» обанкротилась, а вывеска пока осталась. о чем вызвано присвоение имени «Гойя», не знаю, буду расспрашивать друзей.

– Как проходит «Берлинале», достигло ли оно уже широкой популярности в мире? И какое место занимает в шкале кинофестивалей?

– Ныне «Берлинале» входит в тройку важнейших кинофестивалей мира вместе с Каннским и Венецианским. Организационно проходит, как всюду. Подъезд звезд на лимузинах с логотипом «Берлинале», дефиле VIP-персон на красной ковровой дорожке. Главный зал – Theater am Potsdamer Platz на Marlene-Dietrich-Platz. Но это тебе не голливудские Kodak Theatre или Chinese Theatre. И нет экстравагантных голливудских нарядов от Валентино или Армани по миллиону долларов, нет многокартных ювелирных драгоценностей от Картье или Хопарда по несколько миллионов долларов. Вообще нет голливудского эпатажа. Программа каждый год как-то ориентирована на другую тему – политика, интеграция, толерантность и равноправие, взаимоотношение религий, нетрадиционная любовь. Фестиваль гей- и лесбофильмов проводится в отдельной программе.

– Я не говорю об Одессе, а украинское кино бывает представлено на Берлинале?

– «Обижашь, начальник!». Вот как раз говорить об украинском кино нечего, а в прошлом внеконкурсно был представлен трехчасовой одесско-немецкий фильм «12 стульев», снятый Ульрикой Оттингер. В нем приняли участие артисты одесской комик-группы «Маски», говорящие в фильме на русско-украинско-немецком наречии. Остапа Бендера сыграл Георгий Делиев. Ульрика Оттингер является самой одаренной и своеобразной женщиной-режиссером Германии, она автор 11-ти картин. В картине «12 стульев» она заняла все «руководящие должности» – продюсера, автора сценария, режиссера-постановщика и оператора. Германия – очень киношная страна. Я как-то перед открытием «Берлинале» поздно ночью попал на Potsdamer Platz, так там в «Аркадах» и местном небоскребе «Дойче Бан», зданиях, с утра продающих билеты на фестивальные фильмы, были

сотни киноманов в ожидании утреннего открытия касс. Не было свободного места!

– Ты знаешь, в Америке – то же самое. Очень сомнительны разговоры, что телевидение похоронит кино и полностью присвоит его себе. В Америке кинопремьеру традиционно смотрят не по телевизору, а в кинозале.

– И как смотрят! Я когда впервые попал в американский кинотеатр, то был удивлен обстановкой. По окончании фильма весь зал, стоя, более 10-ти минут смотрел плывущие титры и выборочно аплодировал не только артистам, а и задействованному в фильме техническому персоналу. А в титрах благодарные американцы, по-моему, указывают и уборщиц туалетов.

– Ты это точно заметил. Оскароносцы раньше тоже обычно доставали из кармана заготовленную «бумагу» и долго-долго благодарили всех от киноакадемиков до уборщиц и мойщиков машин. Ныне им это запретили, на церемонии раздается регламентная стоп-музыка.

– Я как раз в четыре ночи увидел, как эту ситуацию на церемонии вручения Оскара обыграли экс-вице-президент США Альберт Гор и Леонардо ди Каприо. Гор заявил, что сейчас сделает важное заявление (все ждали, что он, наконец, объявит о своем участии в выборной президентской кампании), но тут раздалась сценарно подыгранная музыка, призывающая завершить выступление. И Гор, разведя руками, вынужден был под общий хохот зала покинуть сцену, не сделав «важного заявления».

– Почему, кстати, нет в Берлине Бульвара Звезд? И в Бабельсберге я его не видел.

– У Голливуда на Аллее Звезд уже более двух тысяч имен. Берлину будет тяжело догнать Голливуд. Мы с тобою сидим за столиком на Potsdamer Strasse. Именно на осевом променаде улицы, который ты видишь, вскоре должна появиться Аллея Славы. Уже опубликованы имена ее обитателей – Фриц Ланг, наш Билли Уайлдер, Марлен Дитрих, Хильдегард Кнеф, популярный в Германии модератор Томас Готтшалк и другие.

– Когда мы были на берлинских кладбищах, меня как-то поразила их памятниковая скромность. Я бы даже сказал аскетичность. Понятно, на евангелических кладбищах и в Америке памятники очень скромные – низкие стелы и малые плиты. Но на могилах известных людей всегда устанавливаются более монументальные памятники. На могиле Марлен Дитрих – маленькая наземная плита, на могиле Брехта – простой камень-валун.

– Ты прав – на евангелических кладбищах всегда очень скромные памятники, которые и памятниками,

в нашем представлении, не назовешь. На одесском еврейском кладбище ныне двухметровые статуи становятся стандартом. Раньше они были лишь на цыганских могилах, ныне – и на еврейских. Ну, а эпатажный Брехт так и распорядился на своем берлинском диалекте: «На могиле положить камень, чтоб каждой собаке было удобно подойти посцать». Кстати, ты заметил, что рядом с Дитрих похоронен трагически погибший в Калифорнии Хельмут Ньютон, «Король эротического фото»? Жаль, что мы с тобой не были в его музее, которому он передал свой архив. Посещение нами на Gendarmenmarkt бара Newton, оформленного фотоэротикой Ньютона, никак не может быть компенсацией.

– Мы говорим о старом кино, старых мастерах и, как всегда, считаем, что «раньше все было лучше, а теперь все не так». Конечно, для нас это был удивительный мир, который не вернуть. Как ты ныне относишься к попыткам компьютерного возврата нашего любимого ретро – к производству виртуальных знаменитостей, производству оцифрованных кинозвезд? Я, кстати, свое мнение еще не составил. Мне трудно представить, хорошо ли цифры справятся со всем, сумеют ли показывать крупным планом лицо и его мимику.

– Ты еще забыл сказать – справятся ли компьютеры с сексапильностью Дитрих.

– Компьютеры постоянно обыгрывают Гарри Каспарова, так что ж не смогут симитировать сексапильность Дитрих? Вот только не знаю, взаправду ли она будет действовать на зрителей-мужчин...

– Уже объявлено, что электронно-клонированная Марлен вот-вот прибудет в Музей кино. И вскоре к всеобщей радости должна вернуться на экран. Сценарии фильмов уже имеются. Дитрих ни разу не была удостоена «Оскара», по иронии судьбы ныне «Оскара» сможет быть удостоен «Марлен Компьютер»... Игорь, а что ты можешь рассказать о сегодняшних немецких режиссерах и актерах в Голливуде? Есть там ныне такие же яркие личности, как в прошлом?

– Работают многие из натурализовавшегося старшего поколения. Но тебя, наверное, интересуют нынешние выходцы из Германии. Прежде всего, это режиссер Роланд Эммерих, который снимает фильмы про летающие тарелки, инопланетян-пришельцев, мутантов, фильмы-катастрофы. Он большой мастер спецэффектов. Ты что-то видел – «Звездные врата», «День независимости», апокалиптическое «Послезавтра»?

– Да, он хорошо известен, его называют «Баварским Спилбергом». Я, к сожалению, с его творчеством знаком только, как с «отцом» монстра Годзилла, который уже, кажется, поселился на Аллее

Славы Голливуда. А что ты можешь сказать об Уве Болле? Что ни день, то сайтовая ругань и обзывание его, причем, отборная матерная брань звучит с обеих сторон. Болл пока лидирует, у него брань очень избрательна и «сверхпоэтична», прямо-таки, «мастер-класс». На многих сайтах объявлена всемирная кампания под девизом «Остановим горе-режиссера доктора Болла!», в которой участвуют тысячи киноманов. Я с большим удовольствием читаю их виртуально-ругательную «Сагу о Болле».

– Мы с тобой видели в городе афиши многих его фильмов – «Имя короля», «Дом мертвых», «Один в темноте». Последний фильм в прошлом году принес Боллу «почетное» звание худшего режиссера. Болл очень «плодовит». Снял много боевиков, но в последние годы прославился закупкой лицензий на экранизацию популярных компьютерных игровых сериалов. Критики считают, что «Король экранизации видеоигр» испохабил уже десять великолепных компьютерных игр и его следует остановить. Но его вряд ли остановишь. Своих критиков он вызывает на боксерский ринг. Но кто же будет с ним драться? Он мужик крепкий, ты же видел на сайтах его «нордическое» лицо. К тому же с детства страшный фанат кино, а ныне он хозяин собственной кинокомпании. Кто ж его может остановить? В Голливуде успешна Франка Потенте, она популярна и в Америке, и в Германии. Афишу фильма «Беги, Лола, беги!» мы тоже видели сегодня в городе. Победа фильма «Жизнь других» в последней номинации «Оскара» тебе известна. Голливуд уже «перекупил» Флориана Хенкеля фон Доннерсмарка и объявил о создании римейка этого фильма.

– Да, эта неожиданная тема стала востребованной Голливудом. В Германии вообще тема: «Что значит быть немцем?» – постоянно занимает умы. Сегодня еще один талантливый немецкий режиссер стал голливудцем. Так уж получилось, что в последние пару лет юбилейными торжествами в Европе были отмечены многие выдающиеся режиссеры и актеры кино. Лени Рифеншталь, Фриц Ланг, Марлен Дитрих, Билли Уайлдер, Роми Шнайдер, Хильдегард Кнеф, Грета Гарбо, Марика Рекк, ныне – Зара Леандр, Лукино Висконти. В Берлине эти юбилеи широко отмечаются в Музее кино, Музее гомосексуалистов (почти все звезды являются его обитателями), во многих кинотеатрах проходят ретроспективные показы фильмов. Голливуд сделал Берлину бесценный подарок – было организовано проведение большой выставки-ретроспективы творчества Стенли Кубрика. Из Голливуда прибыл кубриковский реквизит – кинокамеры, декорации, костюмы. Вновь удалось повидать «Спартак» с Керком Дугласом

(одесситом Иссуром Дембским). В номинации «Одесские генетические корни» Дом Дерибаса присудил Керку Дугласу Международную Дерибасовскую премию. В Музее кино недавно демонстрировались фильмы со многими фрагментами выступлений Марики Рекк. Михаил Ромм называл ее «Кошкой секса». Эта венгерская «Секс-кошка» потрясающе танцевала, выбивая чечетку, в 70-летнем возрасте. Штандартен-фюрер СС Макс фон Штирлиц смотрел «Девушку моей мечты» более 10-ти раз. А ты?

– Наверное, не меньше. И столько же «Серенаду Солнечной долины». Ты помнишь о повальном увлечении собирательством «кин» – слайдов трофейных кинолент? Особенно ценились «кины» с Марикой Рекк. Ты собирал «кины»?

– Не собирал. И открытки советских кинозвезд не собирал, это девочки фанатировали. Помнишь, на открытках тогда всегда обязательно писалось: «Орденосец Леонид Утесов», «Орденосец Любовь Орлова»?

– А тебе известен занятный факт, что Любовь Орлова танцевала чечетку на том же помосте, что и Марика Рекк?

– Не знал. Хотя известно, что из Бабельсберга в Союз был вывезен весь реквизит, и в Белых Столбах Госфильмофонд с этим разбирался почти два года. Использование бабельсбергского помоста Любовью Орловой не так уж пикантно звучит, как сцена в «Молодой гвардии» выступления перед немцами Любы Шевцовой (Инна Макарова, что ли, играла?) в платье Греты Гарбо!

– Саша, хочу перед тобою покаяться – очень сожалею, что не привез тебе в качестве сувенира фигурку Оскара. Прости! Как я мог такое не рассмотреть?

– Ты знаешь, более неказистого приза, чем «дядюшка Оскар», по-моему, нет нигде. Позолоченный псевдорыцарь (к тому же, не очень симпатичный), выполненный из сплава меди, цинка и никеля, в художественном смысле ничего особого собою не представляет. Но это ему совсем не мешает управлять мировым киноискусством, быть самой престижной наградой в мире кино. В американских магазинах сотни клонированных Оскаров...

– А у вас сувенирный магазин – сплошной «зоопарк» с медведями и медвежатами. Понятно – Берлин. Игорь, в знак твоей любви к Берлину хочу тебе презентовать эксклюзивное фото мэра города Клауса Воверайта, лично подписанное им. Всегда буду рад тебя видеть в Германии. Благодаря тебе я углубленно «самообразовался», за что тебе признателен.